ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва 25 июня 1931 г. № 34 (133)

Редакция: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

Издательство: Акц. о-во «Огонек»; Москва, 6, Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

Подписная плата:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- р. 90 к.	— 45 ц.

50 дней прошло

со дня постановления секретариата рапп

боевые темпы в показе героев не достигнуты

ассоциации иваново-вознесенской области, нижней волги, казакстана проявляют оппортунистическую недооценку

ударной задачи рапп

большевики овладевают искусством

к созданию нкп литературы и искусства

Первого июля в Москве откроется Институт красной профессуры литературы и искусств. ИКПЛИ — высшая партийная школа, специально посвященная изучению и разработке проблем пролетарского, в первую очередь, искусства во всех его видах и подготовка большевиков — искусство- и литературоведов. Новый ИКПЛИ, включая в себя четыре отделения, является, по существу, учебным комбинатом: он готовит литературных критиков, работников театра, кино, музыки, архитектуры и живописи; одновременно он пытается поставить интереснейшее по замыслу творческое отделение, назначение которого — воспитание пролетарских писателей, поэтов, драматургов. Наряду с искусством в стенах ИКПЛИ найдут место, — разумеется, в более ограниченном масштабе, — проблемы большевистской печати (ее практики, теории и истории) и даже лингвистики. Большевистская печать имеет особое отделение — с перспективой в очень недалеком будущем развернуться в самостоятельный институт.

Уже из этого беглого перечня явствует, какие громадные задачи ложатся на ИКПЛИ и какое, стало быть, значение он приобретает в строительстве пролетарской культуры.

ИКПЛИ имеет свою предысторию. Небезызвестная ЛИЯ Комакадемии является его непосредственной предшественницей. Наследство не из завидных! Чтобы характеризовать удельный вес ЛИЯ в пролетарском литературном движении, достаточно напомнить, что за 4 года своего существования ею выпущено... 3 человека. Два с четвертью человека в год — такова продукция ЛИЯ! Качественное не выражение ничуть не выше количественного: чего стоит такой экземпляр, как Зонин! За редким исключением питомцы ЛИЯ не сохранились для пролетарского литературного движения. Этот печальный итог ее деятельности может служить надлежащей оценкой сыгранной ею политической роли. Лишь за последние месяцы, после смены старого руководства, в деятельности ЛИЯ наступил перелом в лучшую сторону.

Здесь следует поставить вопрос: в чем же был основной порок ЛИЯ? Где причина, тормозившая ее развитие? Что привело ЛИЯ к столь бесславному прозябанию?

Сослить вину на так называемые об'ективные обстоятельства совершенно невозможно. Пролетарская литература из года в год росла и крепла, и, стало быть, увеличивалась с каждым годом потребность в квалифицированных кадрах коммунистической критики. Может быть, иссякли источники пополнения ЛИЯ, может быть, неоткуда было черпать контингенты аспирантов? Нет: у нас все шире растет прекрасный молодняк. Успевай только учить, а за охотниками дело не станет! Может быть, наконец, сама наука, марксистско-ленинское литературоведение, столь низко (журнал «Литература и искусство» сомневался даже, «заложены ли здесь основы»...), что не обеспечивает подготовки соответствующих специалистов? Это не так! Ленинизм и здесь, вопреки оппортунистам, успешно продвигается вперед. Разгром воронщины, переверзевщины, питфронтовщины — наглядное доказательство, как далеко вперед шагнула наша наука, вооружившись ленинским методом. Нельзя обвинять науку за то, что киевский штаб оказался на действительно невысоком научном уровне: она здесь не при чем!

ИСТИННУЮ ПРИЧИНУ ОТСТАВАНИЯ ЛИЯ НАДО ИСКАТЬ В ЕЕ СОБСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ. Характернейшей чертой последней было постоянное и очень последовательное противопоставление себя основному отряду пролетлитературы — РАПП и ВОАПП. Больше того: это положение обобщалось и «фундировалось»: в РАПП и ВОАПП, мол, собрались практики, а мы — ЛИЯ — теоретики литературы. Подобное узаконение разрыва между теорией и практикой вполне соответствовало и теории, и практике тогдашнего руководства ЛИЯ, пораженного деборинщиной (например, Беспалов).

Ясно, что эта линия не могла привести никуда, кроме как в болото меньшевиствующего идеализма.

Печальный киевский опыт дает важнейший политический урок. Вне массового пролетарского литературного движения литературные руководители не создаются! — вот суть этого урока. ЛИЯ показала, куда ведет отрыв (а тем более сознательный отказ) от массового движения. Сектантство и фракционность, — неизбежные спутники всякого, делающего шаг в сторону от генерального пути.

На ошибках ЛИЯ надо учиться ее наследникам. ИКПЛИ с самого начала должен взять правильный курс на теснейшую связь с РАПП, как основной и ведущей организацией пролетарской литературы, как проводником партийной политики в литературе. Второй вывод отсюда — создание крепкого рабочего ядра внутри института, ядра, из которого выкуются большевистские кадры литературного движения.

Взятый под углом зрения этих задач ход набора в ИКПЛИ не может нас удовлетворить. Если количественные показатели достаточно высоки (на 20 июня норма набора перекрыта на 150 процентов), то этого нельзя сказать о качественных показателях. Как показывает печатаемая ниже сводка, рабочих в общей массе поступающих только 20 процентов; очень плохо представлены национальные республики и, — что особенно опасно, — крайне мало непосредственных работников движения.

РАПП и ВОАПповские организации на местах до сих пор не раскачались (единственное исключение — Белоруссия), крупнейшая организация пролетарских писателей — МАПП не смогла обеспечить слушателями подготовительный семинар, открытый ИКПЛИ для рабочих-ударников, поступающих в этот прием.

До окончания набора осталось несколько дней. Их надо полностью использовать для окончательного отбора кандидатур и их оформления через мандатную комиссию для стопроцентного покрытия предоставленных мест.

К комплектованию ИКПЛИ надо отнестись со всей серьезностью и ответственностью. От успеха набора будет зависеть во многом дальнейшая работа института. ИКПЛИ — боевой участок литературного фронта. К нему должно быть привлечено внимание пролетарской, литературной и художественной общественности.

как идет прием в ИКПЛИ

В портфеле приемной комиссии лежит 56 заявлений. Однако, необходимо отметить, что большинство всех заявлений падает на Москву. Национальные республики и места дают минимальное количество заявлений. ВОАПП, РАПП, МОГИ и РОПКП должны срочно принять меры для оповещения широкого актива о приеме и выдвинуть кандидатов для кадров аспирантуры. Специальное обращение института об организации краткосрочных курсов, горячо встреченное МАПП, пока остается без отклика. Московская ассоциация до сих пор не дала кандидатов на подготовительный семинар, который на-днях начал свои занятия.

Социальный состав поступающих мало удовлетворителен: из поданных заявлений подавляющее большинство принадлежит служащим; рабочее ядро незначительно; это также об'ясняется недостаточной подвижностью соответствующих организаций.

Из четырех отделений, предусмотренных программой, наибольшее внимание поступающих привлекает литературно-критическое отделение. Газетно-редакторское отделение получило сравнительно небольшое количество заявлений. Сюда должны быть выдвинуты заводские кадры из числа наиболее квалифицированных рабкоров.

Институт заканчивает прием 1 июля, после чего никакие дополнительные заявления рассматриваться не будут. Необходимо в ударном порядке использовать оставшееся время для выдвижения новых кандидатов в научные работники по литературе, искусству, языку и печати.

дадим взаймы государству СТО ТЫСЯЧ

прорыв в кампании по реализации займа месткомом писателей ликвидирован

контрольные цифры перевыполнены

«Литературная газета» своевременно сигнализировала о недостаточных темпах, взятых месткомом писателей и литорганизациями при проведении подписки на новый заем.

Сигнал «Литгазеты» услышан. Местком писателей совместно с комсодом по распространению нового займа для быстрейшей ликвидации прорыва организовал семь пунктов по ударному проведению подписки на заем среди писателей. В каждом пункте подписки работают специальные сборщики, выделенные месткомом писателей и литорганизациями.

Ударные темпы, взятые месткомом писателей в деле реализации займа «Третьего, решающего», не замедлили дать значительный результат. 23 июня в 4 часа дня месткомом писателей и литорганизации ликвидировали прорыв, перевыполнив контрольную цифру по размещению займа:

18 ИЮНЯ — на заем подписалось 175 ч. на 35.000 р. — 48 проц. вып. контр. цифры.

22 ИЮНЯ — на заем подписалось 412 ч. на 72.015 р. — 96 проц. вып. контр. цифры.

23 ИЮНЯ — на заем подписалось 459 ч. на 76.750 р. — 102 проц. вып. контр. цифры.

Местком писателей и литорганизации развертывают работу по дальнейшему перевыполнению контрольной цифры по займу «Третьего, решающего», чтобы довести сумму подписки на заем среди писателей до 100.000 р.

Писательская общественность должна реализовать новый заем на 100.000 рублей.

А. КР.

*

Контрольные цифры трехнедельной заработной платы почти во всех издательствах превышены: сумма подписки доведена до размера месячной зарплаты.

*

Издательство ВЦСПС стоит на первом месте. Подпиской охвачены все 100 процентов состава сотрудников. Контрольные цифры месячного заработка перевыполнены на 102,4 процента, что составляет к первоначально взятой трехнедельной зарплате 136,7 процента.

*

На втором месте стоит правление ОГИЗ, с самого начала взявшее контрольные цифры месячного заработка и выполнившее их на 94 проц. Подпиской охвачено 95,2 проц. наличного состава сотрудников.

*

В издательстве «Федерация» все сотрудники подписались на заем. Сумма подписки превышает первоначальное, контрольное задание на 16 проц. По отношению к месячным контрольным цифрам план выполнен на 91 проц.

*

По «Книгоцентру» подпиской охвачено 96,16 проц. наличного состава сотрудников. Контрольные цифры выполнены на 85,08 проц. Подписка предусматривает месячную зарплату.

*

ГИХЛ также проводит подписку боевыми темпами. Подпиской охвачено 100 проц. наличного состава сотрудников. Подписка продолжается с целью доведения трехнедельных контрольных цифр до месячных. На 23 июня контрольное задание перевыполнено на 11 процентов, что составляет 85 процентов месячного заработка.

*

За декаду с 15 по 25 июня общая сумма подписки по издательствам составляет 233.966 рублей.

Издательство «Молодая гвардия», несмотря на наличие многократные запросы, не дало нам сведений о размещении займа среди молодогвардейцев».

литдекадник „молодой гвардии"

Журнал «Молодая гвардия» совместно с МАПП проведет серию литературных декадников, посвященных второму этапу прорыва ударников в литературу и показу героев социалистического труда. Первый такой декадник состоялся 22 июня в Доме советского красного писателя.

Вступительный доклад прочитал А. Караваева. Охарактеризовав положение на фронте литературы, т. Караваева подробно остановилась на задачах подготовки новых писательских кадров из числа пришедших к нам ударников.

— Могучим вам показывать лучших людей завода, показать героев пятилетки, как передовиков военного класса, надо помнить, что все предыдущие трудные задачи, в разрешении которых ударники должны помочь не только нашей журналистике и литературе, но и хозяйству в целом, и всей нашей общественности, и те доказали, которые явятся героями литературных произведений рабочих-ударников.

О трудностях, возникающих перед ударниками в деле показа лучших, о том месте, который потом приносит ударнику последнее захватывание, говорили тт. А. Матрофанов, В. Гусев, Н. Бирюков, Ребешиков. Не меньший вред приносит и всякого рода кастовщина, подменяющая заработать на этой новой кампании. Товарищи приносят жестокийпоиск образом с ними соротся.

В прениях приняли также участие ударники и награжденные орденами Трудового красного знамени рабочие московских предприятий тт. Сокольников, Чувилкин, Епифанов, Григорьев и другие.

рис. лина

группа ударников на литдекаднике

сводка

ЛЕНИНГРАД

Известный сдвиг в работе по художественному показу людей большевистских темпов в ЛАПП наблюдается. Уже поступила первая продукция от пролетписателей и ударников-литпружковцев.

В массовом секторе ЛенГИХЛ вышла из печати книжка десяти ударников «Начало» и выходят из печати книги: т. КОКОРЕВА — «Как растет новое» и т. СИДОРЕНКО — «Из рядовых» (о мастере завода «Красный путиловец» т. Котельникове). Кроме того подготовлены к печати книги о героях завода им. Ленина, написанные рабочими-ударниками, и коллективная книга лапповских поэтов тт. ЛОЗИНА, РЕШЕТОВА, ШМИДТА и ЗАКАУ.

Несмотря на этот сдвиг, ряд пролетписателей Ленинграда еще недооценивает задач, стоящих перед пролетлитературой в деле показа героев соцстроительства. Некоторые пролетписатели пытаются уклониться под разными причинами от этой работы. Штаб ЛАПП принял соответствующие меры в отношении пролетписателей, сорвавших намеченную работу на некоторых предприятиях.

НИЖНИЙ

Нижегородская АПП прикрепила 18 пролетписателей к семи заводам (Сормовский, Автозавод, Муромский паровозоремонтный з-д), НИГРЭС, колхозам и совхозам для показа лучших ударников.

МОЛЧАЛЬНИКИ

Ряд ассоциаций (КАЗАКСТАНА, НИЖНЕЙ ВОЛГИ и др.) совершенно не информируют комиссию секретариата РАПП о ходе работы по показу героев пятилетки. Эти ассоциации еще практически не реализовали обращения РАПП.

орловская апп плетется в хвосте

„орловская правда". март—апрель—май 1931 г.

Литературные страницы «Орловской правды» наглядно показывают, что в Орловской ассоциации пролетарских писателей работа идет плохо.

31 марта (марта!) с. г. в газете публикуется обращение ОрлАПП о призыве рабочих-ударников в литературу, т. е. через полгода после обращения о призыве РАПП и ВЦСПС. Сдвинулось ли дело с мертвой точки?

30 апреля с. г. литгравица дает статью т. М. К. «Заботное обращение», где констатируется, что:

«Орел с призывом ударников в литературу не справился. Обращение ВЦСПС и РАПП заглохло».

Статья сообщает об отсутствии внимания к работе со стороны орловских общественных организаций. На нескольких совещаниях, организованных литгруппой по вопросу о призыве, на разу не явились приглашенные представители профессиональных организаций и печати. «Только силами немногочисленной орловской литгруппы, — сообщает т. М. К., — проведена некоторая работа».

Но дело не только в общественных организациях города Орла.

Один из активных работников орловской литгруппы пишет нам:

«Не скажу вам по совести, мы еще плохо знакомы с литературой, нами **непосредственно руководит ОблАПП ЦЧО, которая совсем не хочет считаться с нами».**

Нерадочная доля вины, однако, падает и на **самих работников литгруппы.** В то время как многие районные газеты уже в середине мая с. г. откликнулись на обращение секретариата РАПП от 4 мая о показе героев пятилетки, в литгравице «Орловской правды» от 30 мая нет ни словечка об этом обращении, нет даже просто информационного сообщения, не говоря уже о **конкретизации рапповского постановления применительно к работе ОрлАПП,** что, по существу, **вполне могла и обязана была сделать литгруппа.**

Следует констатировать **полный отрыв ОрлАПП** от общерапповской работы. Это проявляется и в мелочах. В «Литературной хронике», которую дает литгравица, нет никаких сведений о событиях на литературном фронте, о работе РАПП или АПП ЦЧО (за исключением сообщения о выходе журнала АПП ЦЧО «Под'ем»).

В письме в «Литгазету» товарищ из Орла пишет: **«Мы бродим впотьмах, мы беспризорные, обратите на нас внимание».** Возможно, что товарищи имеют мало времени для литературной работы (общественным организациям Орла следует этим товарищам помочь), однако нам кажется, что автор письма «прибедняется». Литературные силы в Орле есть.

Художественный материал литгравицы «Орловской правды» — «Рождение колхоза» — Н. Глера, «Бабы пришли» — М. Киреева, «Думай, сосед» — М. Киреева и т. д. — показывает, что авторы этих произведений могут и хотят писать. Тем не менее следует отметить, что во всех этих рассказах очень слабо затронуты вопросы борьбы с кулачеством. Общее для всех этих рассказов — это несколько односторонний показ перехода крестьянства к коллективизации: показ идет почти исключительно по линии **улучшения бытовых условий** крестьянства в колхозе. **Вопросы классовой борьбы** затронуты очень слабо. Кулак мелькает, как бледная эпизодическая фигура («Думай, сосед» — М. Киреева).

Большинство материала в литгравичках имеет деревенскую тематику. Вопросы ударничества и социалистического соревнования **почти не освещены.**

Литгравице «Орловской правды» следует порекомендовать вместо постоянные обзоры творчества рабочих-ударников и организовать приток рукописей непосредственно в редакцию. Таким образом **сама литгравица сможет помочь развертыванию призыва рабочих-ударников.**

Литгравице «Орловской правды» следует освещать работу РАПП и АПП ЦЧО, а также конкретную работу местной литгруппы и фабрично-заводских кружков.

Основные задачи, которые стоят сейчас перед орловской литгруппой — это **дальнейшее развертывание призыва рабочих-ударников и реализация обращения РАПП от 4 мая с. г. в показе художественной литературы героев пятилетки.**

На разрешении этих задач **будет проверена жизнеспособность литгруппы.** Будем надеяться, что в одном из ближайших номеров литгравицы «Орловской правды» сообщит нам о **перестройке работы ОрлАПП.**

Общественным организациям Орла, Ассоциации пролетписателей Центрально-Черноземной области — **следует укрепить литературную работу в Орле.**

писатель творит героев

На Днепрострое в 1930 году шла героическая борьба за невиданный в мире план великих работ. Технический совет Днепростроя во главе с бредителем Осадчим наметил по плану уложить в 1930 году 305 тысяч кубометров бетона, причем даже в выполнении этого плана «многие» весьма сомневались.

Строители Днепростроя выдвинули встречный план — 500 тысяч кубометров. Для того чтобы выполнить этот план, надо было напрячь все силы буквально всего рабочего коллектива, надо было свыше 30 тысяч добровольных рабочих дней отдать ударным участкам строительства — котловану, среднему протоку, ГЭСу. В результате героической борьбы план был перевыполнен и фактически в 1930 г. уложено 513 тысяч кубометров.

Этого нельзя было бы сделать, если бы не было таких людей, как Трезуб, Германн, Троповская. Эти люди первыми вышли на прорыв и ежедневно отрабатывали по 4 часа сверх своего рабочего времени до тех пор, пока не был положен последний кубометр.

Пролетариат должен знать эти имена, на образцах их работы можно и нужно воспитывать десятки и сотни тысяч новых рабочих. Литературно-творческая группа Днепростроя поставила перед собой ответственнейшую задачу показать их стране.

Каждый месяц в газете «Пролетар Дніпробуду» печатаются 2-3 литературных страницы. В этих страницах помещаются произведения ударников, показывающие борьбу за выполнение встречных планов. Вышли в свет уже 3 книжки наших ударников и готовятся к печати (частью уже сданы) около 10 брошюр на темы о Днепрострое, об овладении техникой, о лучших героях нашей стройки.

За последние дни в нашей общестроительной газете «Пролетар Дніпробуду» были помещены очерки о героях сегодняшнего дня: «Рационализатор Котляров», «Один из многих», «Большевистский Балух», «Ударная бригада Третьякова» и др.

В этих очерках показаны живые борцы за встречный план, за новые методы социалистического труда.

Литкружки (их теперь шесть) в порядке соревнования обязались сдать в этом месяце не менее 10-12 брошюр с глубоким показом героев.

Совсем недавно найдены новые методы работы писателя-ударника. Самого пристального внимания заслуживает предложение т. Бажмака member ВУСПП. Оно сводится к тому, что **героев надо не только описывать, а творить их.** Нужно помочь рабочему стать героем и показать это перерождение. Тогда писатель из наблюдателя превращается в активного участника социалистического строительства.

Бажмак свою идею претворил в жизнь. Он заключил социалистический договор с краснознаменной бригадой монтажников турбин днепровской гидростанции. По этому договору Бажмак обязуется написать о работе бригады книжку «За турбины». В книжке будут описаны не только герои, но и лодыри, мешающие выполнению ударных обязательств.

Бригада обязалась досрочно закончить монтажные работы на первых пяти турбинах, снизить себестоимость, не понижая качества.

На практике результаты сказались быстро. Недавно бригада называет шефа-автора и в его присутствии принимает решение об исключении из своих рядов злостного прогульщика. Бригада не хочет, чтобы в книге об их работе была хоть одна строка о лоэдударнике!

Примеру Бажмака последовал тов. Демин. Он заключил такой же договор с женской бригадой бетонщиц — Романько. Демин ведет дневник бригады, заботится о том, чтобы бригада получила все необходимое для успешности работы и т. д.

Почин днепростроевцев — один из путей, на котором художник уничтожает отставание литературы от жизни и становится помощником рабочего коллектива непосредственно в цехе.

Дело даже не в том, что стихи делают сталь. **Дело в том, что литература начинает делать человека с новой психикой, с новыми культурными навыками.**

ВЛ. ВАГИН
К. НАРАНОВИЧ

Днепрострой

на фронтах пятилетки

Серия «На фронтах пятилетки». Ал. Исбах. «Путь», стр. 28, Чумандрин «Дело в людях», стр. 60, ц. 12 к. Марк Эгарт «Наступление в Олгудае», стр. 72, ц. 15 к., изд. ГИХЛ М — Л.

Все три книги написаны на боевые темы социалистического строительства. Все три хотят не только отображать, но и быть руководством к действию.

А. Исбах в своем «Пути» рассказывает о том, как красноармеец Ваня Сазаров из неграмотного политически неразвитого батрака Ярославской губернии, пройдя великолепную школу политической подготовки в Красной армии, становится пионером красноармейской сельскохозяйственной коммуны в Сибири. Чумандрин в беглых очерках показывает «Красный путиловец» в его борьбе за промфинплан. М. Эгарт изображает две сельскохозяйственные коммуны на окраинах Советского союза.

Таким образом, писатели говорят о различных участках социалистического наступления, настолько различных, что на первый взгляд казалось бы трудно говорить об общности их идей. Однако, общность устремлений трех писателей настолько выступает с первых же страниц. Каждый из художников отлично понимает, что изображаемый им участок фронта пятилетки не изолированный факт действительности, а факт, в котором даны в конкретном проявлении общие закономерности социалистической реконструкции. Но вместе с тем следует отметить, что во все они одинаково точно различают эту связь части с целым, конкретного, индивидуального с общим.

А. Исбах несомненно эту связь видит в ее наиболее общих формах, поэтому склонен уходить от конкретного показа событий и фактов, от показа живых людей на живом конкретном деле, в сторону несколько абстрагированного описания и рассуждательства.

Чумандрин наиболее зорок. Он стремится на мелочи, на «исключительном» прощупать глубокие связи и отношения, которые в этом «исключительном», почти экзотическом мелочном приобретают свое практическое реальное выражение. За лесом в шестерне писатель видит общую организацию труда на производстве, сложную систему организаций, осуществляющих руководство предприятием, борьбу партии и рабочей общественности с меньшевиствующими влияниями и оппортунизмом.

Автор знает также, что завод связан со всем процессом социалистического строительства в целом, что завод только одна из деталей огромного механизма социалистической стройки. Но огромное внимание к мелочам, к частностям, на которых скрещивается соотношение и борьба живых людей дают на художество писателя, снижая его силу. Очерки рассыпаются от обилия мелочей, на которых автор строит показ избранного им завода. Нужно усилие читателя, чтобы соединить эти очерки в цементированное целое. Автор вдрочем и сам это сознает. В предисловии он замечает — «Возможно все это очень плохо «увязано» друг с другом с точки зрения «литературной»... Но я заботился о другом. Мне хотелось увязать все (даже казалось бы самое случайное) с нашей громадной работой и нашей великой борьбой».

Произведения М. Эгарта: «Коммуна Ялдыз-курт» — рассказ, «Наступление в Олгудае» — очерк относится к Алтаю. Рассказ изображает классовую борьбу среди алтайцев. Автор пытается проникнуть в сущность тех сложных национальных, бытовых, религиозных особенностей, которые по особому отражают классовую борьбу. И хотя его герои примитивны, недостаточно полно и всесторонне «поданы», но основная пружина их действий, основные их устремления изображены верно. В очерке «Наступление в Олгудае» Эгарт больше занят изображением людей, чем их дел.

Рецензируемые книги показывают, что задача активизации пролетарской литературы — дело огромной, исключительной трудности. Нужно громадное напряжение, чтобы достигнуть передовых позиций, авангарда социалистической стройки. Борьба за диалектико-материалистический метод пролетарской литературы — единственный путь к этому.

Н.

за пять дней

наука перед лицом пролетариата

на чрезвычайной сессии академии наук

Еще задолго до открытия сессии — на улице, возле Дома союзов, толпы народа, называющиеся змея очередей. Так бывает только в дни, когда Дом союзов делается ареной больших общественных событий. В дверях давка. Чопорный вид наших мизинцеперов в их новой «европейской форме» нарушается борьбой с напирающей толпой. У какой-то девушки замечают подчистку входного билета. Она соскоблила одну единицу на билете, предназначенного для второго дня, чтобы попасть и на сегодняшний день. Девицу в слезах отправляют от входа. Идут рабочие делегации, идут всесоюзники, хозяйственники, студенты вузов. Что же такое случилось в Колонном зале Дома союзов? Откуда этот необычайный интерес к сессии — (кого?) академиков, где будут обсуждаться (что?) серьезнейшие научные доклады. Что привлекает пролетариат сегодня в этом событии?

Ответ на эти вопросы мы должны искать не только в научной деятельности Академии или популярности отдельных академиков. Нет! Этот интерес есть могучее требование пролетариата на решающем этапе социалистического строительства.

— Дайте науку! Дайте технику!

Огромная тяга к знанию, огромная воля к овладению могучайшим инструментами, созданными человеческой культурой, движет сейчас этими людьми, обтолкавшими Дом союзов. Социалистическая реконструкция страны вступает в ту фазу, где наука смыкается с массами, начинает перекачиваться в массы. «Мы хотим знать, что вы там делаете в своих кабинетах и лабораториях. Мы хотим знать все до мелочей. Дайте нам вашу науку. Это высшая честь, какой может гордиться всякий ученый, — работать вместе с классом, перестраивающим мир на подаренных научных основах», — так говорят, эти мысли мы можем услышать сейчас у Дома союзов.

*

Но было бы большой ошибкой предположить, что в этом уважении к науке содержатся элементы культурничества, преклонения перед наукой только потому, что она наука. Нет. Нам нужна не всякая наука. Нам враждебна наука буржуазная. И в этом смысле Академия наук до сих пор не отвечала тем требованиям, какие она должна выполнять в стране строящегося социализма. Академик Н. Губкин должен был признать в своем докладе, что Академия вела какую-то научную автономную линию, расходившуюся с общим направлением социалистического строительства и научных работ, вызываемых потребностями этого строительства.

Академия имела в своем составе не мало лиц, крепко связанных с капиталистическим ее прошлым. Академия не раз становилась адресом контрреволюционных, вредительских организаций. Правда, все те, кто был чист и политически наш, тот встречал и встретит (внимание к сессии тому доказательство) самую горячую поддержку в своей работе. Но вместе с тем не надо закрывать глаза на то, что Академия в целом как научный коллектив (за исключением отдельных ученых, накрепко связавшихся с классом, строящим социализм) оказывается в положении, на этой чрезвычайной сессии, не столько именинника, сколько держащего экзамен на звание участника социалистического строительства. Чрезвычайная сессия в Москве — это сессия, кладущая начало действительной перестройки Академии, перехода ее как организации начало обоза в ряды передовых, наступающих частей социалистического фронта.

И прав был академик Н. Я. Мар, сказанный в своей горячей речи, ответая на приветствия:

«Товарищи, мы все прекрасно понимаем действительно историческое значение этой сессии. Это же есть ответ всех нас, ответ Академии о том, что дает Академия социалистическому строительству в годы борьбы за пятилетку. Мы понимаем, что мы только часть огромной страны, огромного строительства. И мы, и вы мыслим одинаково (аплодисменты). Но сама возможность для нас работать и выступать не в одиночку, а коллективом — это возможность может быть только здесь, в Стране советов». (Бурные аплодисменты).

*

И приветствия работах, прозвучавшие с трибуны, были совсем не похожи на те, что обычно называют «академическими приветствиями». Это были голоса людей, штурмующих высоты знания и пришедших к людям науки, как на завод, за нужным орудием.

Представитель Моссовета рабочий Васильев говорит о привлечении научных сил к реконструкции, например, водоснабжения Москвы или ее транспорта. Бригада электрозаводцев в качестве приветствия читает список научных проблем, интересующих рабочих по Электрозаводу. Например, диэлектрические явления в толстых обмотках, проблемы изоляции и т. д. Эти проблемы выдвигает социалистическое производство. Это интересует рабочих.

Трудно отвечать на такие приветствия. И вместе с тем интересно, радостно отвечать. Счастливый удел быть ученым в такой стране, где он может на своем языке, на языке науки разговаривать с рабочим, где язык науки превращается в язык политики, в язык масс, в где политика зовет науку к борьбе за социализм.

*

Наука идет в массы. Туда же идет и литература. Наука и литература встречаются на одном фронте — фронте социалистического строительства.

Естественная мысль возникала на сессии: почему бы не устроить такой же массовый смотр нашей литературы перед лицом рабочих фабрик и заводов? Почему бы не соединить такой смотр с выступлениями читателей-рабочих, почему бы литературе тоже не заслушать вместо приветствий встречные планы, какие могут ей предложить предприятия?

И еще. Почему бы ФОСП не прикомандировать отряд писателей к Академии наук для ее популяризации, для того, чтобы помочь на деле проникновению научных знаний в низовые массы, для того, чтобы помочь на деле осуществить контроль масс над работой своего штаба науки?

почему отстает конкретная критика?

анкета „литературной газеты“

общеизвестно отставание конкретной критики от практики литературного движения, выявившееся за последние годы
редакция обратилась к ряду писателей и критиков со следующими вопросами:

1. чем вы об'ясняете значительное ослабление конкретной критики?
2. в чем вы видите ее достоинства и недостатки?
3. какое влияние оказывала и оказывает конкретная критика на ваше творчество?
4. каковы пути для оживления конкретной критики?

сегодня мы печатаем первые ответы на анкету. по окончании „литературная газета“ поместит статью, подводящую общие итоги дискуссии

а. луначарский

Ослабление конкретной критики об'ясняется чрезвычайной остротой положения на литературном фронте. Марксистско-ленинская теория, принципиальный фундамент конкретной критики еще далеко не закончен. Самая постройка его сопровождалась за короткий срок двумя серьезными уклонами: перезакаливания и «Лефронта». На предварительную теоретическую работу, сопровождавшуюся горячими спорами, сходит главная часть еще не очень богатых сил нашего литературоведения, а, стало быть, и литературы.

Достижением нашей литературной критики я считаю ее большую политическую чуткость. Недостатком — неразработанность, художественной твоики, недостаток внимания к вопросам мастерства.

Я мало занимаюсь художественно-творческой работой. Критика должна оказывать воспитательное влияние на каждого писателя. М. Горький прав, однако, что конкретно воспитательная работа нашей критики — слаба.

н. макарьев

Почему плохо у нас дело с конкретной критикой?

В первую очередь, конечно, потому, что ей предъявлены сейчас более высокие требования, которые многим нашим не перестроившимся еще критикам оказались не под силу. После проведенной РАПП борьбы с Переверзевым, после известных событий на философском фронте, в разгар борьбы за диалектико-материалистический художественный метод — наша конкретная критика может быть только критикой глубоко партийной, критикой, обладающей высокой идейностью, критикой философской.

А мы еще плохо работаем над ленинским философским наследством, мы еще не разработчики, как следует, «наследия» Плеханова, мы только начали борьбу за марксистско-ленинский этап литературоведения. На конкретной критике это не могло не сказаться. Сказалось здесь, конечно, и само отставание сил за последние годы на решение специфически литературоведческих проблем, как в области и творческой дискуссии, наша критика проделала большую работу, поставила ряд важнейших проблем и несомненно имеет большие заслуги.

Второй причиной слабости конкретной критики является, по моему мнению, значительный отрыв кадров наших критиков от практики социалистического строительства.

В самом деле, здесь у нас очень странное положение. Мы много говорим (и порой очень дельно) о включении наших писателей в практику нашего строительства. Плохо ли, хорошо ли,— писатели с этой практикой связаны, едят с бригадами, работают на заводах и в колхозах, пишут произведения.

Но о критиках почему-то забыли. Для них тоже же связь с практикой социалистического строительства какой-то молчаливо признается необязательной.

Писателю, для того чтобы писать, надо знать описываемую действительность, и знать ее не только как наблюдателю, а как одному из участников ее переделки. Это признается всеми. И это совершенно правильно.

Но ведь также правильно это и для критика! Как можно написать статью, например, о «Брусках», не будучи хорошо знакомым с колхозом? А у нас ведь частенько как раз так и делается. Отсюда и качество нашей конкретной критики.

Может сказать, что если для писателя, не пишущего о колхозе, необходима непосредственная связь с колхозной прессой, то критик может изучать ее из газетам, по партийным решениям и т. п., которые дают правильное представление об этой практике. Это верно, но только отчасти. Ибо отрыв наших критиков от непосредственного участия в практике социалистического строительства неизбежно должен сказаться на методологии их работы. Этот отрыв будет сказываться и сказывается в сухости, академичности нашей конкретной критики, в неумении ее дать эстетическую оценку произведения, а следовательно, в ее беспомощности в борьбе за высокое качество нашего искусства. Такая критика всегда будет ограничиваться только формальным социологическим анализом, такая критика—плохое оружие в борьбе против красной халтуры и приспособленчества.

Не случайно, в закономерно, например, что «Лефронт», творческие установки которого ориентировались на штаны и схему и игнорировали вопрос о качестве, обстреливали критическими залпами переверзевской школы — наиболее неотвратимой и оторванной от жизни (Бескалов, Гельфанд, Зонин).

Критики такого типа дают нам наихудшую критическую продукцию, не воспитывающую ни писателя, ни читателя, представляющую собой гимнастические упражнения (вредность которых снижается разве лишь тем, что эти изгнания обычно написаны столь заумным интеллигентским языком, что их мало кто прочтет).

Вот эти две причины, мне кажется, являются основными. Только ими можно объяснить, что часто наиболее интересные произведения нашей литературы обходятся молчанием, ибо не под силу нашим критикам. Примеры: «Последний из Удэге»—Фадеева, вышедший год назад, до сих пор не удостоился внимания нашей критики. Уже 4 месяца, как вышла книжка Стаднского «Разбег» (печатавшаяся в журналах осенью прошлого года), — никто опять-таки ничего путного не написал. И так далее, и так далее.

Третья причина слабости конкретной критики—в том, что в нее не вовлечены рабочие, что она не массовая, что нет у нас изучения читателя, изучения того, как подействует на него художественное произведение.

Без прилива ударников в критику, без создания рабочей литературно-критической среды мы дела конкретной критики с мертвой точки не сдвинем и не ликвидируем тех тысяч халтурщиков из непричесанных, которые, как монкары, обосновывают рецензии критических журналов и библиографические отделы газет, паразитируя на живом теле советской литературы.

литкружок завода им. маленкова

Нам нужна такая рода критика, которая на разборе определенного художественного произведения учит нас самих работать над литературным произведением. Большую пользу принесло бы более активное участие теоретиков литературы в критике конкретных литературных произведений. Так, например, много ценного дают последние статьи Селивановского. Хорошо написаны статьи Новиц о «Разбеге»—Стаднского и Колосова — о книгах ударников.

Главный недостаток критики произведений ударников заключается в отсутствии конкретных указаний на недостатки или достоинства того или иного автора. По этой линии успел уже выработаться стандарт. Критик берет «разом» 30 или 40 отдельных книжек, перечисляет их названия и фамилии авторов, что занимает более половины всей статьи, и в конце такого перечисления заявляет: «тема хорошая, подход правильный, заметен рост, хотя еще не изжиты элементы схематизма». А у кого именно из перечисленных авторов этот схематизм имеется, в каком именно произведении, — это обычно не указывается.

Недопустимое захваливание книжек ударников мешает работать над собой.

Нам не нужны «сорокажижные» и «захваливные» нас отзывы. Нам нужна деловая, учащая нас работать, крепкая критика.

м. слонимский

Имеющиеся конкретные художественные произведения так и не встречают достаточной конкретной критики. Это факт, который прежде всего обязаны объяснить сами критики. Иной раз смешишь ответ такого рода, что, мол, квалифицированные критики чрезвычайно загружены административной работой. Если это так, то в числе других причин надо обратить внимание и на эту, постараться устранить ее. В результате недостаточной активности многих критиков критика повышается всё-таки марксистская критика и критика литературно не неграмотная. Она имеет самое отрицательное влияние на писательство.

начетчик-цитатчик

...никогда занимаются конкретными вопросами! еще Карл Маркс в третьем томе «Капитала», издание третье, страница 286, строка 5-ая, сверху, заявляет, в полном согласии с Фридрихом Энгельсом («Анти-дюринг», страница 4-ая, строка 2-ая снизу, издание четвертое), что...

б. лазренев

Значительное ослабление конкретной критики я об'ясню уменьшением конкретного материала. У писателя сейчас идет процесс накопления материала из наблюдений над строительством реконструктивного периода.

Достижений в конкретной критике я до сих пор не видел. А основной недостаток — в страшном разнобое. Об одной и той же книге (даже пролетарского писателя) конкретная критика в лице ее отдельных представителей пишет совершенно по-разному, не имея даже основной общей установки.

Я очень прислушивался и прислушиваюсь к отдельным замечаниям по вопросам как идеологическим, так и формальным. В последующих изданиях мною нередко исправлялись отдельные детали — по указанию критики. В основной установке творчества критика на меня никак не влияла.

Считаю, что оживление конкретной критики начнется с того момента, когда Коммунистическая академия подготовит достаточное количество кадров квалифицированных марксистских критиков.

вв. макаров

Значительное ослабление нашей критики, по-моему, об'ясняется ее внезапным количественным ростом и, главное, требованием современности — быстро, по-большому перестраиваться в сторону идеологической спецпрогностики. (Уж очень много критиков! Если количество много — хорошо, они всегда учатся, а критики — очень часто «учат», не учась. Критик наш — самый непросвещенный человек.)

Этим же требованием быстро перестроиться порождены недостатки и достоинства. Одно крупное достижение — мы уже не слышим в теоретической разработанности критики. Теперь она прямо в своем требовании произведения стопроцентно служащего социализму до сознательного. Недостатков пока очень мало: главный — приспособленчество и крикливость. Крикливость чрезмерная. Так: критик Астахов в своей путанной статейке критит в «Вечерней Москве» про мою книгу «На земле мир»: «С мелко-буржуазной точки зрения»... и откровенно советует «как можно скорее перестроить свою идеологию».

Этот конкретный пример зрелен тем, что Астахову много и все они убеждены, что писатель может перестроиться «по щучьему велению». А отсюда и избиение писателей «за наступом на ногу». И порой очень метко, хотя и эффектно. А отсюда — нарушает специфики искусства, неправильность руководства и слепое уничтожение писателя «как класса». А между тем, писатель честно стремится перестроиться. И еще: как никогда, сейчас перед писателями стоит задача усвоения марксизма и ленинизма как доктрин, как философии.

А критик уж очень часто «учитывает» писателя, открывая ему почитываемые математические истины, думая, что писатель уже наверно не имеет сведений из области социологии. Потом: в погоне за критикой и теоретической почти никто из наших «учителей» не занимается нашим языком, приемом, композицией, как будто все это — и язык, и образ, и композиция — не есть одно неразделимое с идеологией.

А есть писателю критика помогает лишь тогда, когда конкретный его образ, прием, его колоритный элемент, составивший произведение, критикуется с точки зрения идеологической.

Затем, спекуляция с «цитатами». Это уж просто мерзость. А кто из нас не наберет десятки случаев этой спекуляции цитатами?

Какое влияние оказала критика на мое творчество? Если по-честному—отрицательное: я сознательно отошел от темы современной. Трудно работать над современной темой, когда под окнами каждый Астахов кричит: «А-а-а... с мелкобуржуазной...».

Беру в скобки общественность: в какой статье, в каком журнале, какая организация (за исключением статьи т. Сольца в «Правде») помогли мне разобраться в моих ошибках? О них кричали, но конкретной учащей, помогающей статьи не было ни одной.

Какие пути для оживления критики? Журналы будут посерьезнее относиться к количественному росту критики и не так охотно печатать «уры-статейки». Признанные в литературу ударники создадут, наконец, истинно пролетарское произведение-образец. А серьезный разбор этого произведения научит и нас, какими конкретно обязаны и приемами создается этот «эфталк» — стопроцентное пролетарское произведение.

тарасевич

рабочий рецензент газеты

Слабость нашей критики об'ясняется отсутствием достаточного внимания и участия писательской (авторитетной) среды в работе критики.

Вместо того чтобы вскрыть существо произведения, некоторые критики пользуются возможностью «отбрехаться», замести, защутать следы, спрятать за многословие и трудословие свою несостоятельность в том или ином вопросе.

Пополнение рядов теоретиков литературы молодыми кадрами рабочих-критиков, а также участие в разборе художественных произведений широкой массы рабочих читателей (вечера критики), является большим достижением на фронте литературы.

Моему неосновному творчеству критики уделяли достаточное внимание. Одни замечания я охотно принял к руководству, другие же — тоже, но с некоторыми оговорками, и, наконец, третьи я решительно отбросил, как вредные для моей работы.

Я жду, что призыв ударников даст массу новых рабочих-критиков, которые без лишнего будоражения будут помогать творчеству пролетарских авторов.

а. бидин

(словорный цех трансформаторного отдела Электрозавода)

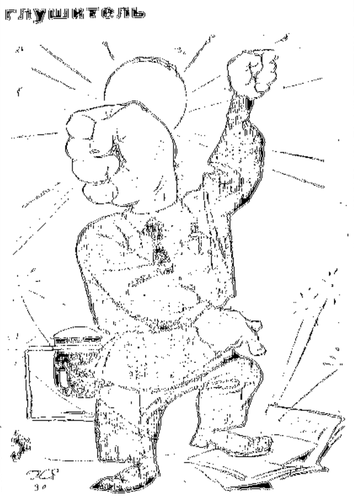
Авторы критических статей часто перебивают палку и вместо деловой критики дают «крытыку».

В известных случаях критика помогает вскрывать недочеты молодых начинающих авторов.

Положительная сторона рапповской и мапповской критики заключается в том, что она своевременно сумела по-настоящему оценить и дать отпор произведениям Пильняка и Панч, Романова, литфронтовщине, «Перевалу» и т. д.

Недостатки критики, выражающиеся в недостаточном внимании, уделяемом рукописям рабочих-авторов, в слишком захваливании этих книжек,—могут быть изжиты, если будет проведен призыв ударников в критику. Рабочий-критик знает производство, знает автора-ударника, знает героев их книжек, поэтому он сумеет верно показать недостатки книги и ее достоинства.

глушитель



р-р-раздроблю!

с. буданцев

Почему произошло ослабление «конкретной критики»? Причин много, и все они достаточно серьезны, раз вызвали такое явление, но не все они «отрицательны» (хотя само по себе «ослабление» никого радовать не может). Именно последние годы прошли в борьбе за выработку марксистской философии искусства, в теоретических битвах, оттянувших все силы в эту сторону. Несомненно, марксистская методология, возобладав даже в самых замшелых литературоведческих умах, сама обогатилась, уточнилась, вышла из «цитатного периода» на путь самостоятельного научного творчества. Одна эта победа стоила копий.

Основным достоинством нашей критики является злейшая непримиримость и требовательность, — эти черты в традиции у нас (Белинский, Добролюбов, Писарев), они укреплены авторитетом Ленина, они в свойствах вообще революционного мышления. Но там, где нужен живой анализ, проникновение в самую плоть произведения, где нужен вкус к вещи, простые навыки «товароведа», — там наша критика обнаруживает часто слабость и неожиданную боязливость суждения: «нельзя не признаться, нельзя не сознаться»... Часто критика приносит свои «приветствия сквозь зубы», боясь показать в полность вопросы, — это очень вредная черта для того, кого так приветствуют.

Мы живем в стране, ежеточно заоскальзывающей свою культуру. Искусство — каждое произведение подлинного (в ленинском смысле, т.е. с идейной оценкой) искусства — есть высокое проявление гения класса и нации и, как таковое, входит в железный инвентарь культуры. Без такой идеологической уверенности немыслимо существование художника, або в его профессии слишком многое представляется ему самому сомнительным. «Зачем твоя выдуманная жизнь,—пронзает он себя, — когда существует жизнь действительность? Иди и делай!». И Толстой начинает тачать сапоги, Гоголь пишет «Переписку с друзьями» (проповедь, публицистика больше «дела», чем художество), Рембо бежит торговать в Африке.

Критика есть прежде всего воплощение общественного и читательского внимания, и поэтому она бесценна для художника, могуче повышая его творческую работоспособность.

И пролетарский писатель, и сознаю, и попутчик, — все они хотят от критики побольше «советского патриотизма», гордости сделанным в одно десятилетие. Пусть ни одна мало-мальски талантливая вещь не пройдет мимо любовно внимательного и беспощадно строгого критика.

Не замена в критике — все же временная замена, это не паралич, не смерть. Призыв в литературу передовиков рабочего класса, ударников, создает активную среду вокруг литературы и в ней самой; пусть каждый из них возьмет перо рецензента.

Как-то незаметно ушли критико-библиографические издания, от пышного «Печать и революция» до строгого «Книгоноши», высохли критико-библиографические отделы в толстых журналах (тем знакомому и библиотуще рецензируют научную фантастику в краеведческие очерки), в газетах печатают лишь строгие подборки о политических брошюрах, даже в «Лит. газете» нет обзоров «по журналам» и рецензий. Еще не так давно самым «писательским» журналом был «На литературном посту», — полная обилой, задорной, квалифицированной библиографии и конкретно-критических статей. В наших силах оживить журналы, воскресить соответствующие отделы.

Пупкинская плеяда, группа покраснского «Современника», поэты-символисты работали в критических отделах своих изданий не менее оживленно, чем в художественных. Писатель особенно чутко ловит суждение «соседа» и товарища по профессии, — в области техники и ремесла это, в сущности, самое ценное, что он может получить со стороны.

м. гельфанд

Чем об'ясняется ослабление конкретной критики? В первую очередь отставанием, а в некоторых случаях и прямым отрывом теории нашего движения от практики, требований, задач, реконструктивного периода. Я говорю, разумеется, о коммунистической рапповской критике.

Ничего не понимают те, которые отставание критики рассматривают только как «простую потерю времени» (или, может быть, даже пространства?). Отставание (тем более — отрыв) означает известное ослабление классовой бдительности критики, невыполнение ею своих задач в обстановке нечаянных боев за социализм и обострения классовой борьбы. Оно означает, что в работе наших критических кадров имеются элементы практического оппортунизма и мелкобуржуазных влияний.

Может быть, конкретная критика ослабла, как думают некоторые, от того, что слишком много сил тратит на борьбу с воронщиной и лефовщиной, переверзщиной и литфронтовщиной, леворонщиной и формалистовщиной и др.? Злостная оппортунистическая чепуха? Как раз ею более решительная борьба против классового врага и его оппортунистической агентуры на фронте литературной теории является одной из вернейших гарантий ликвидации всех и всяческих отставаний, або как раз наличием и активизацией буржуазных мелкобуржуазных влияний об'ясняется в значительной мере самые факты отставания и отрыва.

Рапповский лозунг — лицом к конкретной критике — является правильным большевистским лозунгом перестройки. Однако, почти восьмилетнюю практику осуществления лозунга нельзя признать вполне удовлетворительной. Рапповская журнальная сеть и критические кадры перестраиваются медленно, с натугой. Только «На литпосту» может похвалиться вполне опытными достижениями в смысле актуализации и конкретизации своей тематики.

В чем достижения и недостатки конкретной критики? Главное завоевание в том, что вместе со всей пролетарской литературой и в жестоких боях с многочисленными противниками коммунистическая критика отстояла и продолжает отстаивать генеральную линию большевизма в литературе, линию борьбы за марксистско-ленинский художественный метод, за творческую гегемонию пролетарского искусства.

Но она еще не научилась, как следует, конкретизировать эту свою борьбу, не научилась систематически доводить ее до каждого конкретного явления, до каждого отдельного писателя и произведения. Она не научилась еще охватывать всю диалектику современного литературного развития.

Она не научилась еще с максимальной чуткостью и гибкостью раскрывать новые приемы литературной тактики классового врага, она далеко еще не охватила все конкретное способразию и поэтому процессов, происходящих в попутнических и союзнических отрядах литературы.

Критика не видоизменила еще самого типа своей работы под углом времени высшего, ленинского этапа в развитии марксизма. На практике она еще не преодолела окончательно предрассудка, противопоставляющего публицистику — науке, критику — литературоведению. На практике под видом «опутывания» критики преподносится иногда—и в этом сказывается влияние поверхности, переверзщины, леворонщины! — об'ективистская струйка меньшевистская, «беспартийная» неконкретность, высокопарно-«бесстрастный» «историзм» — живое дело классовой борьбы в литературе замаривается и опыляется «академической тарабарщиной». Между тем, нельзя, нельзя допустить, чтобы и изучение истории литературы (от Гомера и до наших дней) пронизать духом боевой большевистской партийной критики.

Конкретная критика должна занимаиться и историей литературы. Ограничение круга ее интересов только современностью, понимаемой узко-хронологически, было бы недопустимой вульгаризацией рапповского лозунга.

Некоторые чуть ли не главным недостатком нашей коммунистической критики считают обилие разногласий, споров, драк, иногда весьма жестоких, —и, скорбя по сему поводу, предлагают покончить со «смутой» в порядке дружеско-любовного, что ли, сближения и пр. Не трудно видеть, насколько опасны и вредны эти настроения. Не прекращать споры и разногласия ради «тишины и порядка», а упрощать их принципиальное содержание, руководить их развитием, поднимая их на высший уровень, извлекая из спора максимум пользы для дела социализма, — так должны действовать большевики, и таковы линия РАПП и ВОАПП, ведущих организаций литературного фронта.

Каковы пути для оживления конкретной критики? В резолюции февральского (1931 г.) пленума правления РАПП по докладу т. Авербаха, намечен, помимо общих руководящих указаний, ряд совершенно конкретных мероприятий по активизации конкретной критики. Выполняются ли эти директивы?

В частности, выполняется ли постановление пленума о более целесообразном и продуктивном использовании критических кадров? Что-то незаметно. Между тем фактически создается весьма дикое положение. В отношении писателя-художника мы принимаем целый ряд мер, так сказать, по выталкиванию его в жизнь, в гущу классовой борьбы и социалистической стройки. А в отношении писателя и критика до сих пор молчаливое господство того убеждения, что критик, дескать, должен иметь дело только с литературной продукцией и посадка на прорыв, скажем, или в колхоз для него — лишняя роскошь.

Пора, пора решительно покончить с этим случайным и вредным предрассудком! Прижатая третированная критика как литературы «второй степени», как литературы только о литературе, идет в сущности по линии отрицания руководящей роли коммунистической критики, по линии сохранения ее хвостизма парализмом.

Лицом к конкретной критике! — это применительно означает также: кричи, лицом к конкретной действительности!

за качество показа лучших!

по московским газетам

В июне московская печать, хоть и жеманно, но уже разоблачивает дело показа героев. Можно утверждать, что показ этот всеми просмотренными газетами мыслится путем художественного фиксирования записной лучших, выдающихся героев Ленина в Трудового значения и достойных этой награды. Как правило, показ осуществляется при посредстве очерка. Путь правильный, но требующий большой требовательности по линии качества помещаемой продукции и, главное, ясного понимания характера и метода показа героев.

Мы просмотрели июньские комплекты «Известий», «Комсомольской правды», «Рабочей газеты» и «Рабочей Москвы» и убедились, что такого понимания в большинстве случаев еще нет. Наблюдается разнобой материала не только в разных, но и в одном и том же издании, а возможно уяснить — или же намерена редакция строить дело показа героев и намерена ли она вообще его строить или просто печатать поступающий материал. Внимание к качеству совершенно недостаточное. И что особенно опасно — не чувствуется искания путей, не замечено движение вперед, подпирающее, хотя бы постепенно, качество показа на высшую ступень.

Эти упреки в меньшей степени относятся к «Комсомольской правде» и «Известиям».

***

Декларировав постоянное печатание материалов о героях, не гонясь за количеством, — за июнь дано всего несколько очерков, — «Комсомольская правда» помещает однотипный материал: простенькие очерки, каждый из которых посвящен одному какому-нибудь энтузиасту социалистической стройки. Очерки эти строятся, например, по одному принципу: общая характеристика, роль описываемого в производстве, его взаимодействие с коллективом. Установка ясная.

Это не значит, конечно, что материал «Комсомольской правды» может вполне удовлетворить. Очерки не свободны от схематизма, в иных и налета наблюдательности. Если, скажем, относительно удачный очерк И. Бачелиса (от 17 июня) «Бондук» в А. Крогауза (№ от 21 июня) «Бригадир Мартынов» (первый в большей мере), то очерк Елены Кононенко, которым «Комсомольская правда» открыла систематический показ героев, явно неудовлетворителен. Е. Кононенко только рассказывает, а не показывает, она регистрирует факты, а не вскрывает их причин, того, как они проявлены. При этом очерк обильно украшен трафаретными, неубедительными образами, диалогами «под рабочего» и т. п.

Пара примеров:

... «Ну, так как же, товарищи, дадешь, что ли?

— Дадешь!

И тех обнявши себя ударным».

Или:

«...Яков Ильич сидит в кабинете с пером в руках, что-то шепчет и чертит. Скрипит перо. Замучили прилипчивые мянцы. Не слушается эта маленькая легная штучка пальцев, привыкших к кувалде и рукоятке».

Сколько раз вот именно так, слово в слово писалось!

И в таком духе весь очерк.

***

«Рабочая газета» провела всесоюзное совещание рабочих-очеркистов. По линии организации показа героев она сделала очень много, больше, чем все другие. Но это знаки не опускается еще по линии творческой продукции. А за это могли поплатить, прежде всего, каким-то пороки в самой организации работы.

То, что печатает пока «Рабочая газета», это только отписки. Пример: заметка С. М. «...Вот опыт, герои труда» (16 июня), название которой никак не оправдано, ибо нельзя же в одной заметке (заметке!) «показать» десять людей; в ней просто перечислены их фамилии: очерк И. Кор. (№ 151) «Рекорды и люди» (лишнее из Магнитогорска) — удачный по замыслу, но не поднимающийся выше популяризации и воспевания цифр. Этого мало, это не то, что нужно.

В «Рабочей газ.» (№ 151) напечатана также «Стихи о лучшем» Павла Дунаева (объединение рабочих-писателей «Рабочей газ.»). Они так же, как и «Стихи о герое» ударника В. Белоусова в «Рабочей Москве» (№ 150), отличаются поверхностностью и абстрактностью—живого показа героев в них нет. Нам думается, что это нужно отнести за счет полной неразработанности вопроса о показе героев. Ударники здесь предоставлены сами себе и, естественно, не могут найти верного метода. Характерно, что литературные почты до сих пор не дали никакой творческой продукции. Между тем, «стихи должны и могут быть поставлены на службу ударной задаче пролетарской литературы. Вторая часть «Трагедийной ночи» Безыменского — одно из доказательств этого.

***

«Рабочая Москва» по обилию материала о героях побивает рекорд. Однако, качество его оставляет желать лучшего. К этой газете в первую очередь могут быть предъявлены все те обвинения, которые мы выдвинули в начале данной статьи. За исключением большого очерка Я. Шведова «Сказок сердце», нуждающегося в самостоятельном разборе, и очерка Л. Славина «Товарищ Монтер» («Рабочая Москва» от 9 июня), в газете нет сколько-нибудь удовлетворяющего материала. Эти два очерка по всяком случае подходят вплотную к разрешению задачи раскрытия личности описываемых и тех процессов, которые в них и вокруг них происходят. Что же касается «очерка» Е. Федорова «Герои ударных темпов» (№ от 9 июня), то это просто классарная запись событий, сухая, скучная, неубедительная. «Забойщик Потапов» (№ от 10 июня) П. Б—ского страдает теми же недостатками, что и очерк Е. Бобоненко в «Комсомольской правде». Наконец, явно неудачен «Ударник» В. Бахметьева (№ от 22 июня). Нас просто удивляет, что этот серьезный писатель так серьезно поступил в таком важном деле. Сплошная сдвигающая сознание здесь с лифронтовской схематичностью. Ничего хорошего из этого соединения не получилось.

«Рабочая Москва» обнаружила неплохое произведение о героях. Дело хорошее. Но что скажет редакция «Рабочей Москвы» лучшим из обзора помещенного материала. — это непонятно.

***

«Известия» сразу же подняли дело показа героев на большую политическую высоту. Мы считаем — в плане показа лучших наиболее у начным из всего помещенного в газете очерк В. Ставского «Кубанский рис» (№ от 5 июня), хотя над ним и нет рубрики «Страна должна знать своих героев». В этом очерке нет той нарочитости и деланности, которая характерна большинство произведений на эту тему. Ставский не отделяет людей от их дел, берет их, как одно целое, и показывает ярко и убедительно. Художественный показ героя гражданской войны Жлобы на социалистической стройке можно считать большой заслугой писателя.

Удача Ставского не случайна. Она лишь подтверждает то положение, что высокохудожественный, глубокий материал может быть получен только в результате органического включения в социалистическую практику, как это сделано Ставским, а не гастролерским вспыхиванием, характерным для многих других.

Отрицательно удачен очерк Е. Кузьмина «Водители машин» в номере 151 «Известий». В нем дан ряд портретов трактористов, но они органически связаны в одну тему и потому не страдают схематичностью. Этого нельзя сказать про очерк Г. Рыжина «Гаечники и рулевые» (№ 156), посвященный этой же теме. В нем как раз этой органичности нет. Гарнонкз, Глеб Успенский и прочие «острые» моменты в этом очерке должны были бы служить только фоном, но пропорция не соблюдена и основное —трактористы — остались в тени.

Добросовестно сделан, хотя и бледно, очерк Б. Губера «Генеральщик, армеец, большевик» (№ 156).

Наконец, хороша зарисовка Эль Ресчиала «Джоэ Мак-Даусль». Она показательна в том отношении, что, несмотря на свой небольшой размер, в результате большой насыщенности, она оставляет цельное впечатление (№ 156).

Однако, и в «Известиях» есть срывы. К ним нужно причислить явно интеллигентский очерк Л. Кассиля «Наши герои», прямо показательный для того, как не нужно писать о героях; страдающие теми же недостатками, что и материалы «Рабочей газеты» и «Рабочей Москвы», очерки «Секрет неботы» Черешнова и «Их дела, их лица» Карповича. Наконец, только недоразумением можно объяснить помещение заметной, хотя и полной заумки М. З. «Четверо» (все это — в № 156).

***

Нельзя не заметить, наконец, недочеты в показе героев в московской печати объясняются как раз тем, что в ее адрес даны конкретные указания в своих последних решениях секретариат РАПП. Это — с одной стороны, — совершенно недостаточная активность и не конечно отвлеченного художественного показа героев пролетарскими писателями, и, с другой, — в многочисленные, слабое внимание к качеству, отсутствие твердых установок в этой работе газет.

Только решительно бороться с этим, систематически критикуя организаторские и творческие ошибки в деле показа героев, мы поднимем эту работу на необходимую, большую политическую высоту.

МИХ. Ц.

* Нельзя не отметить досадную перепутанность одного из авторов и редакция. Начало очерка Шведова и очерк Славина напечатаны в одном номере. И там и тут речь идет о зав. листопрокатным цехом «Серпа и молота» Монгере. У Славина Монгер приехал в Россию 1909 г., у Шведова в 1908 г.

Когда же он все-таки приехал?

Этот номер «ЛИТГАЗЕТЫ» предпоследний за первое полугодие

Во избежание перерыва в высылке газеты с 1 июля, следует возобновить подписку на почте

НЕМЕДЛЕННО

По новым правилам, подписка принимается лишь до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается только на следующий месяц

Возьмем друг друга! придите на мне со-ат Панферна до Замятина...

трибуна творческой дискуссии

статьями тт. т. огнева и звлинского мы открываем обсуждение творческих вопросов перед осенней конференцией всероссийского союза советских писателей.

больше внимания конкретной творческой продукции. поменьше разговоров о „литературе вообще“. побольше активного участия самих художников слова в творческой дискуссии

о трех крушениях

1.

Перед каждым советским писателем стоят сейчас вопросы:

— О чем писать?

— Как реагировать на современность?

— Какой избрать жанр?

— В чем основная задача?

Каждый из писателей отвечает по-разному: иной, порхнув по колхозу или заводу, отписывается парой очерков, другой — и имя ему легион — разыскивает ударников и спешно, но вполне всерьезно, предлагает печати их биографии; третий отмалчивается на какой-нибудь службе; четвертый творит некое большое полотно; пятый гнусно халтурит, забыв о своем назначении. Но каждый, по-разному, пытается ответить действием, в громадном большинстве случаев никак не формулируя свое отношение к современности и к современным писательским задачам.

Между тем, такие формулировки совершенно необходимы. Необходим и спор о формулировках. Мне, например, известно, что ряд писателей продолжает смотреть на свое искусство, как на нечто самодовлеющее, расположенное над современностью, стирающее границы, времена, пространства и сроки. Этот взгляд в корне ложен, и с ним необходима борьба. Ведь как раз такой взгляд и мешает жить и работать советскому писателю.

Как я отвечаю на волнующие меня вопросы? Попробую наметить теперешнего творчества.

2.

К началу революции я был уже сложившимся писателем,—профессия журналиста осталась где-то позади,—но не писал.

Однако, как писать—знал твердо.

И первые мои вещи, появившиеся в печати в начале 1923 г., были синтетичны. В «Евразии» я пытался синтезировать настроения пред-смеховеховской интеллигенции (уверенней в революцию лбом, как бараны в новые ворота),—третья глава повести так и называлась «Новые ворота»); рассказ «Ш республики» ставил неправильно, но все же ставил вопрос о взаимоотношениях рабочего и крестьянина того времени.

Дальнейший мой писательский путь проходил все под тем же знаком синтеза: рассказ «Горькая вода» (1924), написанный за год до известной истории Сапожкова на суде, изображал полный распад и гниение всерства. Рассказ «Гибель культуры» бил по приспособленческой интеллигенции.

Но на этом пути я потерпел ряд крушений. Еще задолго до «Дневника К. Рябцева» (1926-27) я начал работать над большой повестью «Знак Сатурна», которой так и не суждено было увидеть света. Семь пятков этой повести и около двух печатных листов подмалевок до сих пор погребены на дне моего чемодана с рукописями.

Повесть была посвящена настроениям молодежи 1924—25 гг. и проводила резкую разграничительную черту между рабочей и интеллигентской молодежью.

В чем же дело? Что случилось?

Я и раньше работал медленно—некий синтез требует основательного упора, долгой подготовки, постепенного сбора фактов. Но никогда не опаздывал я раньше!

Случилось то, что молодежь как рабочая, так и интеллигентная переросла мою повесть, и повесть оказалась ненужной. Внутренне ненужной для меня, а, значит, и для читателя. А «Дневник Рябцева» пророс сквозь распадающуюся повесть.

Это первое крушение я встретил с недоумением и далеко не сразу его осознал. Но на меня надвигалось и второе крушение.

С 1923 года я задумал и постепенно осуществлял роман в трех частях «Великая кривая». В этом романе интеллигент, снабженный по воле автора двойным зрением, из 1919 года, из гражданской гражданской войны, из голода, холода и разрухи возвращается чудесным образом в 1907 год, год угасания революции и разгула расейской буржуазии. В 1907 году герой вновь переживает свои былые анархо-мистические настроения, но сказав прыжку 1919 года эти настроения даже ему кажутся мелкими и никчемными. Герой гибнет во время экспериментации, но чудесненьким образом переносится в 1940 год, в год последней битвы капитализма с коммунизмом.

План романа был задуман широко, ряд отрывков был напечатан, но к началу реконструктивного периода я прозрел. Я понял, что мой герой — в достаточной мере дрянной интеллигентишко — просто-напросто никому не нужен. Тратить краски на этого героя—значило создавать еще один образ лишнего человека, образ лишний, никчемный, никого никуда не зовущий. Но с устранением героя устранялся весь роман! Проблема отношения личности к обществу, а значит и интеллигента к революции, но то, что отошла на задний план, а скрылась за кулисами. Наступили сумерки интеллигентских боженят.

Не скрываю, что тема все-таки искала выхода и нашла его: параллельно неоконченному роману они вылились в книгу «Исход Никиткожа». С этой целой работы было меньше, чем с романом, и книга увидела свет.

Но тема молодежи продолжала (и продолжает) меня волновать. Я и не подозревал, что она таила в себе третье мое крушение.

Крушение ждало меня на пути драматурга. Существует несколько вариантов пьесы «Дом иноземцев»—одна лежит в I МХТ, другие—в Театре им. Вахтангова. Но им так и суждено лежать в архиве!

Вся беда в том, что я опять работал на устаревшем материале. Я молодежь 1926—27 года никак не могла действовать в пьесе 1930 года. И понял это в процессе работы, поэтому и не доделал для вахтанговцев последний вариант драмы.

В данный момент я эти три свои крушения пережил настолько, что они стали для меня историей, и я могу рассматривать их вполне объективно.

Но серия неудачных работ ставит передо мной, тем не менее, со всей резкостью вопрос:

— Что же делать?

Продолжать медленно работать, собирая материал, упорно обдумывая, синтезируя факты? Или немедленно прекратить такую работу, всего себя бросив на регистрацию фактов, т. е.—перейти исключительно на газетную работу?

3.

— Писатель или журналист нужен эпохе?

Ответ сложен.

Прежде всего, существуют темы, которые действуют на продолжительный срок даже в нашу стремительно развертывающуюся эпоху.

Такова, например, тема о реконструкции человеческого материала, над которой я работаю уже три года, и отодвигать, отстаивать не могу, так как это тема—вполне современная и не скоро будет выброшена в мусорный ящик истории. (Я говорю о романе «Три измерения»).

Далее—любая тема, в основе которой лежит диалектический материализм, как познание жизни. Только робкие попытки были—применить диалектический материализм к практике художественной литературы. А ведь и перед советскими писателями развернута вся его ширина и глубина! Следовательно, для меня работа над большими полотнами никак не отпадает. Но в такой работе—только одна сторона моей деятельности как советского писателя.

Писатель—нужен.

Но нужен, необходим, как воздух, и журналист. Мало того, нужен журналист в писателе.

Да и самому писателю нужно включить в себя журналиста. Писателю совершенно необходимо вариться в общем котле стройки, чтобы не быть соглядатаем, попутчиком, профаном, путающим прилудной ремень с конвейером.

Но, включившись в работу завода, колхоза, строительства (как включится—об этом нужно особо поговорить), писатель должен заниматься отсевом фактов и для синтеза их. Здесь речь идет о методах собирания материала. Тогда как до сих пор советский писатель действовал по-старинке (и это росло из рухнувшего капиталистического российского строя,—ведь, капиталистическое хозяйство было анархично, и анархия капиталистического хозяйства не могла не отражаться на работе писателя, работа писателя, методы сбора материала были тоже анархичны) и наметал, собирал в отсевной материал, как ему заблагорассудится,—сейчас перестройка мировоззрения должна сопровождаться перестройкой методов и форм работы.

Органически войдя в работу предприятия, писатель неизбежно будет журналистом, — какую бы работу в предприятии он на себя ни взял: и в стенгазете будет работать, и очерки в газеты посылать—жизнь заставит. Но, слив свой рост с ростом предприятия или учреждения (хотя бы это был детский дом), писатель никогда не отстанет ни с анализом, ни с синтезом; ни с романом, ни с очерком, ни с другим любым жанром произведения.

Вот пока мои выводы. В следующий раз постараюсь развить свои мысли на конкретных примерах других писателей.

И. ОГНЕВ

„КОЧЕВНИКИ“*

рис. к. елисеева

«И вижу семья, собирающие хлопок, медленными руками берут они белые пригорщни и сбрасывают их в корзину, я вижу арбакешей, возвращающихся домой, охотника, нежащегося в кабинке, детей, копошащихся в глине за домом, женщин, толкущих в семейной ссоре, судью, который сидит под деревом и молчит, а посетителей и свидетелей кричат так, как будто судья глухой; вижу обоих, зажимающего глаза в чайхане перед очередным молитвенным коврик; милиционера, заключившегося с потной лошадью к поселянину, которого только что ограбила басмач, фининспектора, трясущегося под навесом на жестком седле к станции, так как у него много денег и он не хочет ночевать в кишлаке, синего быка, пашущего по полю, как трактор, инжиров, ревущих с таким странным бульканьем, точно в них накачивается воздух, птичий рой, пронесшийся над полями, змей и ящерин, заснувших в тени погребов и дувалов, разноцветный пестрет деревень—топот вооруженного отряда Красной армии и далеко на горизонте аэроплан, летящий в Бухару, в город, который назывался странным именем: повелельник (фонамбе), а ныне зовется Сталинабадом...»

Все это видит Н. Тихонов и обо всем этом рассказывает в своей книге «Кочевники». Видит художественно и метко, рассказывает талантливо и занимательно.

В прошлом году бригада московских писателей отправилась в Туркменскую республику, чтобы описать социалистическое строительство и современный быт этой страны, которая раньше у русского читателя пребывала в тени великодержавного невежества. Одним из результатов этой поездки явились «Кочевники». Эта книга заслуживает подробного разбора. Она интересна по многих смыслах. Не только в своих победах — политических и литературных, но и в своих недостатках, именных для нас сегодня немаловажный принципиальный смысл. Итак, сначала о достоинствах ее.

Картины того, «как социализм пришел в пустыню со своими колхозами и тракторами», проходят перед нами как дженгиллы, бедуджи, таджики — племена, обугленные страшной, вековой нищетой, феодальным гнетом баев и ханов, опалуженные крепче чалмы и паранджи шаркатом, мертвящими пески, чумы и суеверий,—как эти народы замечательным образом отучились перед высшей социальной формой человеческой культуры и непосредственно из средневековья перепрыгивают в двадцать первый век, от деревянного, вавилонского плуга-омача переходят прямо к трактору, с чесоточного верблюда пересаживаются в вагон Турксиба или на аэроплан. — облик этих событий всемирно-исторического значения встает со страниц книги во всем их сдержанном величии. Помощь русской пролетарской революции, значение ленинской национальной политики раскрывается здесь в живых, правдивых образах, переходится на язык фактов. Таких фактов — больших и маленьких — много привезено в книге. Н. Тихонов умеет отметить политический смысл не только помощи кушинских красноармейцев (в проведении сева) Джемшидскому колхозу, целиком образованному из бывших кочевников, но и политический смысл самых разнообразных бытовых мелочей. Самоотверженная работа отправленных партией людей в этот край, вымученный из глубины истории, не может не вызвать у читателя справедливого удивления. «Джемшиды не знают языка своих великих братьев—русских пролетариев. Русские — не знают джемшидского, и однако дело идет».

Вероятно, многие довольно смутно представляют себе, чем этот край был в прежнее, царское время. А вместе с тем разительность совершающегося там особенно ясной становится в сопоставлении с прошлым. Ведь в Бухаре, например, вплоть до самой революции, существовало рабство, причем рабство не в метафорическом смысле, а в самом подлинном и чудовищном виде. По т. н. русско-бухарскому договору, заключенному в начале семидесятых годов, прямая торговля людьми официально была запрещена, но существовала в форме еще худшей—феодального крепостничества. Существовало рабство под видом кабалы. В кабальные книги беков и амиркларов (губернаторов и уездных начальников) заносились семьи лиц, не уплативших податей или штрафов. Бек или амирклар налагал на неугодного им человека штраф таких размеров, который тот уплатить не в силах, и кабала готова. Несчастный с семьей (кабала распространяется также и на семью) выводится на рынок и продается.

«Семья этого кабального,—читаем мы в одной книжке, изданной перед самой войной *,—что я видел на бухарском базаре «стоила» всего около двухсот пятидесяти рублей на русские деньги (при хороших верблюдах). Уже на участь кабальных! Они живут большей частью вместе с домашними животными или просто «на вольном воздухе». Формат их рисовой кашицей, в минуту человеколюбия хозяин черствой кукурузной лепешкой. А работать их заставляют с утра до ночи, причем никакой труд не считается тяжелым. За малейшую провинность хозяин имеет право наказать кабального не только побоями, но и заковать в колодки. Избиение до смерти не редкость».

И мы понимаем теперь, что эти люди, только вчера рядом с животными ходившие в арме у баев или разбойничьей вольницей маячившие среди любых барханов, оказались хозяевами своей страны, почти не верят в происходящее.

Хороший урожай 1927 г., — пишет Н. Тихонов, — понравился им (Белуджистанскому колхозу). Правда сказать, им здорово помогли тракторы и плуги, от которых верблюды сдвинулись на землю в страхе, а бедуджи — от изумления.

— Мы происходим от Амир-Саата,— говорили они, — а от кого происходит это? Что такое Амир-Саат, — говорили мы, — легенда, а трактор—вот он происходит от рабочей революции.

Многие туркмены, узбеки, таджики за годы революции проделали сложный путь от кочевничьей клятвы или хлопкового поля к политическому и государственному руководству, стали инженерами, агитаторами, агрономами, непосредственными руководителями социалистического хозяйства. В различных бытовых сценках проходят перед нами жизнь пустыни. Тихонов описывает все это в тоне любовного уважения, со сдержанной патетикой и сдержанной иронией над смешными нелепостями, какие глаз советского европейца замечает еще немало в этом удивительном зоопарке, где встречаются пустыня и социализм. Что же движет внутри это описание, какой материал привлечен для построения книги?

И вот здесь мы сталкиваемся на теме, какую не удалось полностью разрешить автору и над разрешением которой работает пролетарский очеркизм. Действенны ли очерки Тихонова? Ведут ли они к движению, ориентируют ли практически, обогащают ли классовыми ассоциациями и чувством классового взгляда? На эти вопросы приходится в значительной мере ответить отрицательно. Образы, среди которых автора застает современная туркменская действительность, оказываются во многом литературными образами. В них есть и благородная скупость рисунка, и цельная, и хорошая, и приключения путешествий, и память о прочитанных книгах, и у места рассказанная легенда. Именно эта высокая и умная литературная обработка материала делает книгу занимательной подобно великому настоящему художественному произведению. И лучшее всего в книге те места, где зовет вас эта романтика бытия.

«Молчание ночи нисходит на ущелье. Костер горит, как сигнальный маяк на самом краю света. Внизу одиноко гремит ручей. Прохладная тишина гор подходит вплотную. Люди Арнаклана сидят все вместе с пленными макаронами: Сидоров, Сизов, Климовских. Входят кот и собака. На стенах висят винтовки. Лошади жуют сено из высоких глиняных чаш».

Н. Тихонов защищен своим художественным вкусом от т. н. «восточной экзотики», но какие-то неуловимые литературные миражи окружают нас в то время, когда вы следуете за автором. То вспомнит он Джека Лондона, когда увидит пожилых, где хочется разбить палатку, чтобы жить, имея «лежанку, трубку и мула», то пройдет где-то рядом «в разорванном белье с пеной факира на губах» и незыблемыми глазами Лоуренс», то Эдгар По напоет свою песенку об Эльдорадо, то Киплинг «мужественный Киплинг» пронзает в суровом ощущении природы в житейских нелегко этой страны.

«Невероятность вечера, блеск ружей среди сокуда, лежащая куда-то вдаль фисташковая пустыня, тусклая сверкающая вода между камышей, толстые зайцы, пробегающие среди собак, черные пары и пылающее небо — говорит одно: читайте Марко Поло, читайте путешествие Марко Поло. Как же велик фронт нашей борьбы от усовершенствованных вил и косокрепов, поднявшихся в индустриальное небо, до полного феодализма пустыни».

Литература помогает осознать открывающееся глазу, не только подсказывая восприятие, но и отталкиваясь от нее, так сказать «доказательством от противного». Если не все сходятся на том, что существуют демоны литературной традиции, то, например, глава «Точное описание путешествия из Кара-Калы в Кызыл-Арват» является доказательством их существования, так как она по сути дела являет полное единоборство автора с этими демонами. Почему горы называются «Гунные горы», почему долина «Долиной смерти», почему скачут ночью в пустыне романтические голые люди, — восклицает Тихонов, — даже описать нельзя: не поверят—до того «литературно». Эта борьба с вымышленными, хотя и правдоподобными цитатами (как бывает борьба с ложными героями) не только ложится в композиционную основу очерка, но и дает ему выразительную интонацию.

Хорошо ли это? То-есть нужно ли это с точки зрения задач пролетарского очерка? Это почти всегда дает литературную удачу, разнообразит книгу, делает ее «читабельной». И это хорошо. Но и вместе с тем здесь лежит опасность нейтрализовать литературными ассоциациями, всевозможными описательными, историческими, бытовыми или этнографическими отвлечениями — основное, что должно быть у нас у всех впереди — это классовое зрение, классовое чувство коммунистического переустройства мира. И вот отсюда начинаются недостатки «Кочевников».

Н. Тихонов подчеркивает в предисловии, что его очерки, написанные без всякой примеси вымысла, без всякой игры воображения, заключают одни сухие факты, потому что пришло время, когда советский Восток, обросший покрывалом этнографической кочевки, так же по-геройски вступил на путь развития социализма, как остальные территории Советского союза». В другом месте автор пишет, что, «отказавшись от всей литературной картины и впечатлений, я хочу сухими и скучными словами нарисовать хозяйственный, практический пейзаж Ургыла, чтобы читатель понял, что я не кормлю его одним лирическим салатом. Нет, я дам ему честный питательный бульон, где будут плавать некоторые цифры».

Я могу от души заверить Н. Тихонова, что в обоих случаях он находится во власти писательских миражей, может быть естественных после посещения пустыни. «Кочевники» отнюдь не пишены вымыслы (и это как раз вовсе не плохо), они совсем не «сухи», но зато то, что автор называет «питательным бульоном», не может удовлетворять рабочего человека, требующего более серьезной пищи. «Вымысел» заключается не только в придумывании не виденных лично фактов, но и в литературной обработке познанного. И часто последнее может «перекрыть» любой вымысел. «Кочевники» пишены внутренней классовой остроты, литературно оформленной интонации нагнетающего большевизма. В книге—чрезмерность к понятным (в таких-то условиях!) недостаткам и даже преступлениям и ошибкам там, где требуется гебер ненависти, гнева и подозрения. В книге улыбка, примиряющая там, где нужна мобилизация радости. Отчего на книге лежит неуловимый отпечаток отмеченного культурничества, где «деповая» сторона пути к социализму оказывается более подчеркнутой» нежели сторона классовая. Отчего не случайно, что классовый враг не закреплен в книге во впечатляющем образе. Это опять особенно понимаешь, когда сравниваешь «Кочевников», жанр, с тоже недавно вышедшей книгой В. Ставского «Разбег». «Разбег» полон той напряженной классовой борьбой, в которой развертывается социализм. Это обогащает читателя—активного участника этой борьбы—новым и ценным ему классовым опытом.

От этого основного недостатка «Кочевников» возникают и другие искажения перспективы. Так в книге помощь русской пролетарской революции выдвинута за счет недостаточного внимания к значению и силам самого туркменского народа. А ведь революция не есть атмосферное явление, а опирается в конечном счете на людей. Отсюда в отношении социалистического строительства кочевые племена оказываются скорее в положении объектов революции, нежели ее субъектов, что, разумеется, неверно. Совсем обойден такой важный вопрос для этой бывшей царской окраины, как вопрос национальный. Ведь социализм, пришедший в пустыню со своими тракторами, продолжает оставаться там пока «национальным по форме», и это само по себе является крупнейшим революционным фактором. Наконец, только «литературной корной», подброшенной литературными демонами, я могу объяснить обмолвку Н. Тихонова о «европейцах» и «азиатском» Самарканде (встать, описания среднеазиатских столиц наиболее медленны). Обмолвка дурная, пахнущая великодержавным квасом.

Все такие вещи заставляют у читателя звучать не те ответные ноты, какие нужно вызвать. Обо всем этом нужно сказать автору «Кочевников» также и потому, что он является одаренным и близким пролетарской литературе писателем. Во всем этом нужно разобраться и нам самим, потому что творческий метод пролетарского очерка мы ищем также, и ошибки Н. Тихонова должны быть учтены всеми нами. Все это делает все же во многом превосходную книгу Тихонова, являющуюся шагом к пролетарской литературе, не только занимательной, как этого хотел автор, но и поучительной, пряла не всегда, в том смысле, в каком Тихонов искал ее сделать.

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

* «Кочевники». Изд-во «Федерация». 1931 г. Стр. 210. Ц. 1 р. 10 к., перепл. 20 к.

* «Среди сыпучих песков и отрубленных голов». (Б. И. Гартвельд).

николай тихонов

круговая порука в „перевале“ и распад перевальского „содружества“

творческий метод молчания

В первых числах мая я выбыл из числа членов содружества «Перевал». Последовавшие за этим выступления писателей-перевальцев, отклики на эти выступления и выход из организации многих членов «Перевала» лишний раз доказали мне, что мое разногласие с руководством группы в оценке литературно-общественной линии «Перевала» вытекали не из тяжести моего характера, не из моей личности, как это было истолковано моими бывшими товарищами, а из той потери чувства общественного такта, которая не позволяет группе осознать свою истинную роль, место в ряду других литературных организаций, свой истинный удельный вес, лишает ее непредвзятого отношения к объективной действительности.

У меня нет охоты возвращаться к прежнему, имевшим всем очевидным «Перевалу», тяжесть последствия которых я нести вместе с ними, они были не раз предметом литературной дискуссии. Точно-так же я не считаю возможным останавливаться на личных мотивах выхода бывших перевальцев из организации,—а они звучат подчас в «прощальных» письмах. Но я полагаю нужным отметить два момента.

Во-первых. В прошлогодних декларативных выступлениях «Перевала», подписанных и мною, было заявлено о «внимании», с которым «Перевал» отнесется «к наиболее ценным указаниям на совершенные им ошибки и промахи художественные и идеологические». Прошел год. В чем же сказалось это «внимание»? В молчании. Быть может, опыт накоплялся в творческих аккумуляторах с тем, чтобы вылиться в произведениях? Я не сомневаюсь, что наша действительность слишком весома, чтобы пройти незамеченной мимо творческого внимания. Но творческая работа над произведениями — дело каждого советского писателя. Организация же имеет собственное творческое лицо, от которого и говорит,—иначе это не творческая организация. За прошлый год творческое лицо организации «Перевал» не проявило себя, оказалось от голоса. «Молчание» организации прошло немым не только мимо внегрупповой действительности, но и мимо неудовлетворенности отдельных членов организации таким внутригрупповым положением вещей.

Впрочем, может быть дело не в грандиозных жестах, а в художественной продукции?

Во-вторых. Инициативная группа писателей «Перевала», после года молчания организации в целом, выступила со статьей «Наша заявка». Для того, чтобы ее не поняли, полобно товарищу Гольбергу, как заявку на монопольное право разработки литературного участка, ее следовало бы назвать «Наши обещания». Но организация в целом не выполнила своего обещания на «внимание»,—значит ли это, что инициативная группа выдвигает полного обязательства хочет проповедовать старый, неоправданный жесть, выданный всей организацией? А если «внимание» организации сказалось именно в том, что она заметила зачатный изъян создания огромного индустриального центра, то в этом, понятно, нет ничего удивительного: гигант Автостроя—можно было ударным—не ускользнет от самого скромного обязательного внимания. От творческого же—мы ждем большого: умения заметить и вызвать к жизни в образах значительный эрелет каждого социального явления, дыхание всей страны—не только сверхмощных ее установок. Огромная политико-экономическая задача страны, обслуживание ее в искусстве, еще не может быть предлогом для того, чтобы забыть о всем потоке социальной жизни страны, снять с поэтики для внимание к несоизмеримо малым, но таким решающим в искусстве вопросам, как актуальные литературной дискуссией. Программой литературно-творческой организации «Наша заявка» быть не может, заменить ее тоже не может. Вот почему следует признать, что статья является заявкой о снятии с себя бремени каких-либо формулировок своей творческой позиции, каких-либо исканий, жестом вполне прагматическим и механическим.

Никто из нас не застрахован от ошибок. Это дело даже повод говорить о «праве на ошибку». Но право—норма. А норма норм, брака предусматривает известный процент порчи, которого на производстве нельзя превышать. Права на превышение допустимого процента ошибок нельзя утверждать—природа искусства жестоко мстит за это превышение. Не лощеглает его и суровая природа наших дней напряженного, ответственного труда.

Дальнейшее творчество усыхание «Перевала» прямо подсказано отсутствием мужества в решении основных творческих задач — хуже для художников вам капитуляция П. СЛЕТОВ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ввиду того, что я расхожусь по основным вопросам литературной политики с группой «Перевала», прошу не считать меня членом этой организации.

ВАС. КУДАШЕВ

„перевал“ не встанет и не пойдет

Сюда, в Таджикистан, газета приходит с опозданием. Только теперь я прочел «Нашу заявку» и узнал, что «Перевал» нашел золотоносную жилу, и, как американский золотоискатель, поторопился предъявить на нее свои собственнические права. При социализме на рассвете не делают заявок: находку разрабатывают сообща, она принадлежит всей стране. «Перевал» заблудился во времени.

«Перевал» относится к Ангаре, как к родовой усадьбе, куда можно поехать наездом или на сезон, куда писателей из других организаций можно пригласить на чашку чая, на время отпуска или на глухарную охоту, тем более, что глухари на Ангаре токуют.

Тринадцать лет рубит тайгу по всей стране, меняют русла рек, запрягают силу стихий. Страна расчищает пути, строится. Кто из молодых писателей не бывал на строительствах, перед кем были закрыты двери, кто мог усидеть в кабинете в эти годы?

«Перевал» собирается на Ангару, как попадья в первое путешествие, предупреждая всех и со всеми прощаясь. «Перевал» действительно насиделся. В «Перевале» душно, как в старинной комнате. Нечем дышать. Пылью. Пахнет камфарой, пеленками и знаками зубами. Запахи, невыносимые для молодости.

«Перевал» делает последние усилия, чтобы встать, взять ядр свой и пойти. Он болен неизлечимо — старостью. Он старше многих из тех, кто стоит под его знаменами. Он не встанет и не пойдет.

Во имя путей, которые нам предстоят, я выхожу из «Перевала» и называю Ефима Нахрена и Сергея Маркова.

Гарм. АМИР САРГИДЖАН

от редакции

В № 31 и в сегодняшнем номере «Литературной газеты» помещены письма С. Наскентрейтера, В. Слетова, В. Кудашева и А. Саргиджана, содержащие в себе объяснение причин выхода из «Перевала». Товарищи нашли в себе достаточно мужества и последовательности для того, чтобы перед лицом пролетарской и писательской общественности порвать с круговой порукой и бонапартизмом, культивируемыми в «Перевале» в свойственных еще значительной группе участников этого «содружества».

Достаточно для примера указать на поведение немногочисленных в «Перевале» коммунистов: эти коммунисты после решения президиума Коминтерна, резко осудившей позицию «Перевала», ПОСЛЕ единодушной квалификации «Перевала» со стороны марксистской критики как группы, являющейся центром пренебрежения-редакцию «буржуазных сил» в литературе, ПОСЛЕ того, как советский отряд в литературе своей практикой доказал, что путь превращения попутчика в союзника прямо пролетариат чуждо «Перевалу», — продолжают отсиживаться, отмалчиваться, прикрывать сонм нарбиллетов буржуазные тенденции «Перевала». КРУГОВАЯ ПОРУКА в «Перевале» вовсе не сводится к обывательской СЕМЕЙСТВЕННОСТИ. Круговая порука выступает тут как форма защитной МАСКИРОВКИ.

Когда группа писателей «Перевала» в «Нашей заявке» («Л. Г.» № 27 на 28 мая) сообщила о своем желании принять участие в строительстве Ангаростроя, редакция «Литературной газеты» выразила уверенность в том, что совместное с практикой социалистического строительства поможет лучшим элементам «Перевала» приобщиться к нашим пролетариям. Вместе с тем редакция констатировала, что «Наша заявка» в целом означает попытку легализации старого «перевальства», означает бегство от классовой борьбы пролетариата за социализм, означает противопоставление этой борьбе реакционных, «гуманитарных» идеек о «всеобщей культуре» человечества.

Публикуемые нами письма о выходе из «Перевала» подтверждают данную нами оценку. Констатируя, что товарищи сделали значительный шаг вперед, решение в то же время отмечает, что на этих письмах лежит сильный ОТПЕЧАТОК НЕИЗЖИТОГО «перевальства». К примеру, С. Наскентрейтер пишет: «МОЯ СТРАНА пошла в развернутое социалистическое наступление». Нам думается, что далеко не случайна подмена классовых задач литературы отвлеченными формулами, говорящими о «моей стране», об «эпохе» и пр. «Перевал» в «Нашей заявке» собирался укрыться на БУДУЩИЙ Ангаростроя от СЕГОДНЯШНЕГО для классовой борьбы пролетариата.

Но не только в этом сказывается перевольное «перевальство». Так, С. Наскентрейтер, сообщая о своем присоединении (без всяких поправок) к оценке «Нашей заявки» данной «Литературой», развивает в своем письме взгляды, резко противоречащие названной оценке. Он пишет, обращаясь к «Перевалу»: «Вы сделали остановку в 1925 ГОДУ, сидите на этой остановке и сидите очень длительный срок... Вы ЗАТЯНУЛИ ДЕЛО... Жизнь НА НОВОМ ЭТАПЕ уходит от нас». Иными словами, корень для в том, что «Перевал» не перестроился НА НОВОМ ЭТАПЕ. «Перевал» с самого начала являлся опорной базой ПОПУТЧИКОВ, занимал позиции, ВРАЖДЕБНЫЕ пролетарской литературе, позиции, прикрывшие его в ряпор классово-враждебных пролетарию идеологических сил. Именно ПОЭТОМУ «Перевал» не мог даже поставить перед собой вопроса перестройки (ибо такая перестройка немыслима без ликвидации «перевальства», как СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ). Именно ПОЭТОМУ «Перевал» застрял на последнем этапе попутчиков, пролетарских писателей, входящих рано и его рады и затем порвавших без всяких оговорок с «перевальством». Именно ПОЭТОМУ и именно за ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ «Перевал» стал ОДНИМ ИЗ ОСНОВНЫХ аккумуляторов буржуазно - реакционных тенденций в литературе. С. Наскентрейтер, ударяя по «Перевалу» ПОСЛЕДНЕГО перевода, оставляет в неприкосновенности ОСНОВУ «перевальства», хотя и говорит в ряде мест резко и убедительно о «старом балласте» «Перевала».

От сознанного зависит, далее, и оценка значения и места «Перевала» в НАСТОЯЩИЙ момент. С. Наскентрейтер говорит о том, что мысль «Перевала» была скована интимным родством с БЛАГОРОДНОЙ СТАРИНОЙ, но не с рабочей интернациональной ПОШЛОЙ». Разве с «благородной стариной» связана деятельность «Перевала» на последние годы? Разве приходится «пиратных чудаков — «духовных аристократов» — инструкт «Перевалу» необходимость поисков тихой заводи, отраженной от классовой борьбы? Нет. К примеру, альманах «Ровесники» в целом, был одним из выражений и литературе идеологии отживающих классов. Корни «Перевала» нужно искать в СЕГОДНЯШНЕМ дне. И лишь сегодняшний день объясни нам эту и реакционной романтике прошлого, которая перерастает в реакционную утопию неклассовой борьбы за Ангаростроя, «утешенный» «общечеловеческой» культурой. С. Наскентрейтер, который, кстати, недавно не сказал о СВОИХ крупнейших ошибках (С. Наскентрейтер был одним из ведущих ТЕОРЕТИКОВ «Перевала»), предстоит немало поработать над собой для преодоления «перевальства».

Т.т. Слетов и Саргиджан видят в старческой немощи «Перевала» эти правильно. Но сама по себе констатация старческого ОДРЯХЛЕНИЯ «Перевала» не решает ничего. Именно разглядывая, вырастаясь и прощаясь, «Перевал» еще таит в себе достаточное количество микробов, заразительных для других и сопутствующих всякому процессу дейного распада.

Мы констатируем, что созданная годами изоляции от пролетарской общественности крутовая порука «Перевала» мешает отдельным товарищам, уходящим в его ряды и уже не разделяющим его установок, порвать с «Перевалом» и перейти в ряды литературы, помогающей строить социализм. Мы констатируем в то же время, что в рядах «Перевала» уже началась резкая дифференциация, которая должна привести к окончательному распаду этой группы.

артель литературных кустарей

о московском товариществе писателей

«Литературная газета» уже не раз печатала материалы, обличительно характеризующие деятельность МТП — Московского товарищества писателей.

К этой теме принуждены мы вернуться и сейчас.

Кооперативное издательство «Московское товарищество писателей» представляет собой объединение семидесяти писателей. Интересно, что почти половина из них не является членами литературных организаций и представляет собой неорганизованную массу писателей-одиночек. Другая часть по своей принадлежности к литорганизациям распределяется так:

члены ВОКП — 13,
члены «Кузницы» — 11,
остальных рапповцев — 7,
перевальцев — 4,
членов ВСП — 3.

При этом большая часть отмеченных здесь семи рапповцев числится в МТП лишь формально и не принимает участия в работе товарищества.

Что же объединяет здесь эту пролетарскую массу? Писатели объединены в МТП на чисто коммерческой основе: МТП не имеет ни своей творческой платформы, ни принципиальной линии, сколько-нибудь отличной от других литературно-издательских единиц: оно не имеет, наконец, и каких-либо идейных установок, кроме самой общей, которую товарищи из МТП довольно неуклюже формулируют так:

«Издание произведений, рисующих социалистическое строительство в городе и в деревне, в особенности тех произведений, которые четко и ясно помогают в читателе веру в победу дела социалистической реконструкции».

Коммерческий характер деятельности МТП придал ему крепкую финансовую базу. Ее наличие дало недавно повод ревизионной комиссии МТП с удовлетворением констатировать, что:

«Издательство из прибыли значится несостоятельного предприятия (решение о самоликвидации в 1930 г.) вложено в предприятие ударное, финансово-платежеспособное, деятельное».

Однако, при дальнейшем изучении материального положения МТП выясняется, что это финансовое оздоровление достигнуто с помощью операций отнюдь не литературных и не издательских, а... торговых.

Издательство МТП с разрешения МСНХ, а отчасти и «...рискуя большой ответственностью, с молчаливого согласия МСНХ...» открыл отчет правления МТП общему собранию за период с февраля 1930 года по март 1931 года) в течение многих месяцев занималось торговлей канцелярскими принадлежностями, причем эта торговля канцелярских товаров составила то 70 проц. оборота операций МТП с книгами.

Руководящие работники МТП до такой степени политически деградировались, что в одном из официальных документов издательства, стоя в защиту МТП заложенные за последний год «взаимоотношения и связь с общественными организациями», при перечислении этих организаций ставят в ряд ряд: Сезубит, Центральный комитет лапти и Лифолд.

В этом же документе к числу недостатков в работе МТП относится:

«Прохладное отношение к работе правления... некоторых членов правления. Подтверждающими фактами является редкая посещаемость правления».

Объединение писателей по одному только признаку стремления к «фальсовому содержанию» заставило руководителям МТП объединить их неоднократные попытки добиться включения МТП в систему Федерации объединений советских писателей. При этих попытках ФОСП, естественно, требовала от МТП какой-то платформы, которая послужила бы основанием считать МТП литературно - творческой писательской организацией. Отсюда поведение МТП в этих случаях не менее предвзято, чем, кроме удовлетворительного торгового баланса.

Вообще, в отличие от финансовой стороны, работа МТП по части идейного содержания весьма не благополучна.

Общественно - массовая деятельность МТП ограничивается проведением литературных чаек на членских собраниях, она в какой мере не увязана с рабочей и пролетарско-колхозной общественностью. Отсутствие этих связей приводит МТП к такому положению, что отдельные его руководители, пытаясь придать издательству общественный характер, додумались до... призыва кустарей в литературу «по аналогии» с тем, как РАПП проводит призыв в литературу рабочих-ударников и ВОКП — призыв колхозников и рабочих совхозов.

«Кустари вообще являются единственной социальной прослойкой, с которой связано и на которую опирается МТП в своей работе.

Это, естественно, накладывает соответствующий отпечаток и на чрезвычайно низкую серую, бесцветную творческую продукцию издательства, которая изобилует эклектизмом, а иногда и политически вредными книгами. Назовем, что изданиями МТП были выпущены и «Киноварь на золоте» — Д. Стонка и «Гольцы» — В. Гомонова, и «Мирные жатели» — Никандрова.

Такое положение стало возможным благодаря отсутствию в МТП рабочего редсовета, аналогичного редакционного аппарата и каких бы то ни было письменных рецензий о рукописях. В МТП практикуется преимущественно устные отзывы, а книги выпускаются на основе единоличных резолюций правления или зав. издательством.

Нет в МТП и элементарной плановости, инициативы, организованности. Обычно планы составлялись на основе опроса тех или иных авторов, которые сообщали издательству случайные темы, наименования своих рукописей и т. п. Естественно, что издательские планы, при таких условиях составления их, часто ломались и не могли быть выполнены.

Нет в МТП и четкой товарной политики. Условия оплаты авторов зачастую зависят от личных отношений того или иного писателя к тем или иным из руководителей МТП, а не от квалифицированного анализа или ценности литературного произведения.

Отсутствие творческо, идеологически выдержанного руководства, ставит издательство МТП в такое перспективное положение, при котором оно легко может оказаться орудием в руках случайных и идеологически чуждых элементов. Попытки укрепиться в МТП уже имели место со стороны этих элементов в лице группы правых писателей, и сейчас дело разоблачения маскировской клиники.

Все это вместе взятое приводит нас еще раз к мысли о необходимости ликвидации Московского товарищества писателей в качестве самостоятельной издательской единицы.

В условиях обостренной классовой борьбы на литературном фронте, в условиях острейшего бумажного кризиса, нельзя допускать дальнейшего плавания МТП без руля и без ветрил.

„На посту“ должна существовать

Постановление секретариата ФОСП от 21 июня.

Секретариат ФОСП протестует против решения ЛЕНОГИЗ о прекращении субсидирования органа Ленинградской ассоциации пролетарских писателей — «На посту». Это решение ставит под угрозу существование первой рабочей массовой литературной газеты. Между тем, уже первые номера «На посту» говорят о том, что газета ЛАПП при поддержке пролетарской и литературной общественности может стать в дальнейшем подлинно боевым большевистским органом—организатором массового пролетарского литературного движения.

ФОСП призывает всю литературную общественность оказать всемерную помощь важнейшему начинанию ЛАПП.

Газета «На посту» должна и будет существовать.

СЕКРЕТАРИАТ ФОСП РСФСР

письмо из ленинграда

От нашего корреспондента

перед конференцией ВССП.—забытый пленум.—февральский журнал не вышел в... июне.—новый курс «литучебы».—обращение ленинградских писателей

После московского пленума ВССП значительно оживилась работа в ленинградской организации союза советских писателей. Работа идет под знаком подготовки к осенней конференции ВССП.

Кстати о ФОСП. В широком производственном плане ленинградской федерации, разработанном и утвержденном в начале года, имеется перечень докладов о творчестве ряда советских писателей... Увы, доклады так и не состоялись. Хотя бы сейчас, когда ЛенФОСП разгружается от практической работы по социально-бытовому обслуживанию писателей, не мешало бы приступить к «плановому руководящему разделу» позабытого плана, начав с практической помощи ЛО ВССП.

В ближайшее время развернется творческая дискуссия советских писателей и в нем ЛенинградСП нужно необходимо учесть литературно-политическое значение предстоящей дискуссии и обеспечить «теоретическую вооруженность» для ее проведения. Тем более, что недостаток подготовки организовать глубокий обмен на страницах прессы, на газеты. Является на журналы сказалось бы расширить своевременность выявления дискуссионных статей.

Это сказалось чем более обосновано, что работа производственных аппаратов на них является совершенно безобразна. Мировой номер «Звезды» (орган ФОСП) до сих пор еще не пущен в печать.

Еще более катастрофично положение журнала «Литературная учеба». Руководство сие не сделало в любой федеральной ячейке (!). Таков положение, несомненно, потрясет новому курсу журнала.

Курс этот, взятый «Литературной учебой», одобренный Максимом Горьким, совершенно меняет лицо журнала. Он перестает быть журналом, рассчитанным на педагога, на самоучку. «Литучеба» становится **журналом массового пролетарского литературного движения**, журналом, целиком посвященным учебе рабочего-ударника, призванного в литературу. В частности, «Литучеба» будет проведен смотр программы литкружков; к началу зимней работы литкружков намечается проведение совещания с РАПП **декады литературной учебы.**

В новую редколлегию вошли: **Максим Горький** (отв. редактор), **Висс. Саянов, М. Рафаил** (зам. редактора), **В. Кирпотин, М. Чумандрин, Ю. Либединский, С. Малахов, Е. Добин, В. Десницкий-Строев** (ЛГУ), **Ф. Бутенко, А. Бескина** (ИРЯ), **Л. Якубинский** (ЛРК), **А. Камегулов, Б. Лавренев** и **И. Груздев.** Конкретно, в редакторы кооптированы **Г. Коротков** и **Д. Лаврухин.**

***

Правление Ленинграда ВССП обращается к возвачаем во всем писателям СССР об организации **всего творческого смотра советской литературы**, посвященного Годовщине Октябрьской революции и революционному строительству — Рабоче-Крестьянской Красной армии. Ленинградские писатели приглашают всех литературщиков СССР теперь же начать подготовку к этому смотру, ознаменовав наступающую годовщину Октября новым творчеством, посвященным Октябрьской революции и социалистическому строительству. ЛО ВССП готово поддержать мысль Максима Горького о привлечении писателей к созданию художественной истории РККА.

Правление ЛО ВССП заслуживает должного внимания и поддержки.

Ленинград. Б. РЕСТ

Союзпечать срывает распространение „Литгазеты“ в Ленинграде

В последние месяцы особенно усилились жалобы писателей на безобразное распространение «Литературной газеты». Газета появляется, как правило, с опозданием на 1, 2, 3 дня. Газетчики снабжаются хаотично.

Ваш представитель обследовал причины возмутительного распространения газеты. Вина целиком лежит НА НЕГОДНОЙ РАБОТЕ СОЮЗПЕЧАТИ. Оказывается, что руководство Сев.-зап. отделением Союзпечати (зав. отд. т. Силянский и его заместитель) были уверены, что «Литгазета» это... журнал (?!) А по существующим в Союзпечати правилам, допускаемые из Москвы журналы некоторое время МАРИНУЮТСЯ В КЛАДОВЫХ СОЮЗПЕЧАТИ. Таким образом, «Литгазета», прибывая в Ленинград, одновременно с «Известиями ЦИК» и др. центральными газетами, остается нераспакованной определенное время в экспедициях Союзпечати. На указания нашего представителя о том, что «Литературная газета»—это газета, последовал классический по своей бюрократичности ответ

— Для вас газета, для нас—журнал... Эти же работники пытались убедить нас, что «ничего и никто не пострадает, если получит газету с опозданием» и т. д.

После наших категорических протестов зав. Сев.-зап. отделением т. Силянский обещал «признать» «Литгазету» газетой и распорядиться о выдаче ее газетчикам в день ее прибытия в Ленинград.

***

ЛЕНИНГРАД, 21. (Наш корр.). Сегодня «Литгазета» в продажу не поступила. Нами обследована центральная экспедиция Союзпечати, газета прибыла в 6 часов утра, но будет раздаваться газетчикам только завтра. Как сообщил нам зав. экспедицией, НИКАКИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ О СВОЕВРЕМЕННОМ ВЫПУСКЕ «Л. Г.» В ПРОДАЖУ из Сев.-зап. отделения Союзпечати НЕ ПОСТУПАЛО.

Ленинградским отделением редакции «Л. Г.» дело о безобразном отношении Сев.-зап. Союзпечати к распространению «Литгазеты» ПЕРЕДАЕТСЯ В ОБЛРКИ.

пропавший „равносторонний треугольник“

книжка э. гиллера *в редакции тов. шахбазьян*

В редакцию пришел человек, назвал себя.

— Я Эмиль Гиллер.

И совершенно неожиданно, в противоречии со всеми правилами, объявил, что он целиком согласен с уничтожающей критикой его книжки, данной в заметке «Чиновник о героях» (№ 31/130—«Л. Г.»).

— *Да*, это преступление, — говорил Гиллер, — выпустить книжку об «Электрозаводе», и ни слова не сказать в ней о партийной и профессиональной организациях, сбойти молчанием энергичную работу руководителей завода, завернить ее лесенками избитых, потертых, надоевших фраз.

Э. Гиллер внес лишь одну поправку в помещенную нами библиографическую заметку. Он попросил переадресовать обвинение. От него — одному из редакторов ГИХЛ — т. Шахбазьян.

Автор «Повести об Электрозаводе» представил редакции исчерпывающие документы, из которых явствует, что в его рукописи была книга «Равносторонний треугольник», посвященная партийному, хозяйственному и профессиональному руководству Электрозавода. Она была уже напечатана в «Наших достижениях», но не увидела света в издании ГИХЛ книжке, так как редакторский карандаш т. Шахбазьян зачеркнул ее. Гиллер честно и упорно боролся за сокращение этой главы, дважды письменно указывал на недопустимость изъятия книжки без нее, так как «нельзя, чтобы в освещении Электрозавода была выпущена деятельность партком»... Но ничто не помогло. т. Шахбазьян не пожелала считаться со здравым смыслом, с мнением автора и заменила главу «Равносторонний треугольник» графическими звездами в конце текста за таком фразой в сопровождении: «На Электрозаводе промфинплан под руководством парткома ВКП(б) довлечен до станка». Так т. Шахбазьян называет партийное руководство заводом.

Сверяя рукопись и книжку, мы имели возможность убедиться еще во многих редакторских добротах. Получается впечатление, что редактор видит свое назначение в изъятии из произведения всего, что его оскорбляет, всех удачных образов, фраз и т. д. С композицией вещи редактор не желает считаться совсем.

Несколько примеров.

У Гиллера концовка первой вступительной главы: «Такова новая электробольшевиков». У—Шахбазьян: «Такова воля Электрозавода, — слышится во всех выступлениях рабочих». (Это не только хуже, но и безграмотно).

У Гиллера (начало главы «Бои за промфинплан»): «Наше социалистическое строительство — война. Мы деремся за промфинплан. У нас есть свой фронт и свой тыл. Как в образцовой армии каждый стрелок должен отлично знать обстреливаемую местность, так у нас каждый работник обязан знать программу того, что он должен сделать». **Относительно удачно.**

Шахбазьян первую фразу заменяет так: «Социалистическое строительство—великая и **чудесная** борьба». Весь абзац становится бессмысленным. Зачем это нужно было — едва ли объяснит сама т. Шахбазьян.

Эти примеры можно было бы продолжить. Редакторских погрешностей и даже безграмотности в книжке хоть отбавляй.

И вот что характерно. То, что действительно нуждалось в исправлении (неудачные обороты, повторения и т. д.), осталось **нетронутым.** Прямая функция редактора не выполнена, так же, как и главная функция — политическая редакция, в которой допущена грубейшая политическая ошибка.

Мы должны оговориться: наше выступление совсем не предсказано целью **полностью** реабилитировать, а тем менее поднять на щит книжку Э. Гиллера. Его работа в общем — слабая. Она, прежде всего, не может претендовать на право называться художественным произведением, за еще повестью. Это только неаккуратные газетные очерки, с большими погрешностями стиля, лишены плохим, неярким языком. Нам казалось иначе прав, когда оценивая книжку Гиллера как фотографию, не воспроизводящую всей глубины событий. Гиллеру не удалась и самая важная часть работы, как подлинно художественный показ **людей Электрозавода.**

Все это так. Но все это еще более подчеркивает недопустимость такого редактирования, какое произведено тов. Шахбазьян.

Нам думается, что на примере с Гиллером, вне зависимости от качества его произведения, следует поставить общий вопрос о взаимоотношениях редактора и писателя, о принципах редакторской работы, об **обязанностях** (а не только правах!) редактора по отношению к литературному произведению.

Не так давно мы получали ряд писем от писателей и поэтов (Мих. Исаковский и др.), слагающих с себя ответственность за свои книги, так как они изданы — или без учета поправок авторов, или **«неожиданно»** для них — через два года после сдачи рукописи и т. д.

О чем все это говорит, как не о грошовой безответственности по отношению к писателям.

Пора выработать более четкие нормы взаимоотношений редактора и автора. Понятно, это можно сделать не столько в порядке административном, сколько при посредстве совместной работы путями общественными.

***

Для доказательства того, что варварские редакторские нравы существуют не только в ГИХЛ, мы приведем факт из практики «Литературной энциклопедии».

В этом томе «Литературной энциклопедии» помещена статья «Карачаевская литература». Давая общую характеристику и останавливаясь на лучших отдельных писателей, поэтов и публицистов-карачаевцев, автор, между прочим, говорит:

«Для работы этих и других авторов (**среди которых надо отметить Ислама Карачайлы**) характерен один момент — упорное искание самостоятельных тем»...

Под статьей стоит подпись — **«Ислам Карачайлы».**

Получается впечатление, что автор считает необходимым особо отметить прежде всего... самого себя. Между тем, т. Ислам Карачайлы совсем не собирался это делать; просто за него отстаивала редакция «Литературной энциклопедии», которой и принадлежит данные в скобках строки. Не трудно понять, к какому сорту принадлежит такая «услуга».

Б.

горьковские вечера

в комакадемии

Цикл вечеров, посвященных творчеству М. Горького, устраиваемых институтом ЛИТ, открыл 16 июня большим докладом А. В. Луначарского.

Второй вечер — 19 июня — был посвящен докладам Н. Каменева «За ленинскую партию пролетарских писателей» и Л. Авербаха «Горький и его творчество». За отсутствием места отдых второго вечера мы ограничимся лишь краткой передачей доклада т. Каменева.

В своей статье «О пролетарском революционере» Плеханов называет М. Горького «самым талантливым художником-пролетарием, но отмечает ошибки критики писателя Горького «Врага». Второй и последующие произведения, по статье, заключается в абстрактности разбора, пишет. В своем «Враге» показано разложение буржуазной борьбы, класс пролетариат осознает уже в ходе борьбы с буржуазией, которая, выдавая себя за сокращение этой главы, дважды письменно указывал на недопустимость изъятия книжки без нее, так как «нельзя, чтобы в освещении Электрозавода была выпущена деятельность парткома»... Но ничто не помогло. т. Шахбазьян не пожелала считаться со здравым смыслом, с мнением автора и заменила главу «Равносторонний треугольник» графическими звездами в конце текста за таком фразой в сопровождении: «На Электрозаводе промфинплан под руководством парткома ВКП(б) довлечен до станка». Так т. Шахбазьян называет партийное руководство заводом.

Сверяя рукопись и книжку, мы имели возможность убедиться еще во многих редакторских добротах. Получается впечатление, что редактор видит свое назначение в изъятии из произведения всего, что его оскорбляет, всех удачных образов, фраз и т. д. С композицией вещи редактор не желает считаться совсем.

Несколько примеров.

У Гиллера концовка первой вступительной главы: «Такова воля электробольшевиков». У—Шахбазьян: «Такова воля Электрозавода, — слышится во всех выступлениях рабочих». (Это не только хуже, но и безграмотно).

У Гиллера (начало главы «Бои за промфинплан»): «Наше социалистическое строительство — война. Мы деремся за промфинплан. У нас есть свой фронт и свой тыл. Как в образцовой армии каждый стрелок должен отлично знать обстреливаемую местность, так у нас каждый работник обязан знать программу того, что он должен сделать». **Относительно удачно.**

Шахбазьян первую фразу заменяет так: «Социалистическое строительство—великая и **чудесная** борьба». Весь абзац становится бессмысленным. Зачем это нужно было — едва ли объяснит сама т. Шахбазьян.

Эти примеры можно было бы продолжить. Редакторских погрешностей и даже безграмотности в книжке хоть отбавляй.

И вот что характерно. То, что действительно нуждалось в исправлении (неудачные обороты, повторения и т. д.), осталось **нетронутым.** Прямая функция редактора не выполнена, так же, как и главная функция — политическая редакция, в которой допущена грубейшая политическая ошибка.

Мы должны оговориться: наше выступление совсем не предсказано целью **полностью** реабилитировать, а тем менее поднять на щит книжку Э. Гиллера. Его работа в общем — слабая. Она, прежде всего, не может претендовать на право называться художественным произведением, за еще повестью. Это только неаккуратные газетные очерки, с большими погрешностями стиля, лишены плохим, неярким языком. Нам казалось иначе прав, когда оценивая книжку Гиллера как фотографию, не воспроизводящую всей глубины событий. Гиллеру не удалась и самая важная часть работы, как подлинно художественный показ **людей Электрозавода.**

Все это так. Но все это еще более подчеркивает недопустимость такого редактирования, какое произведено тов. Шахбазьян.

Нам думается, что на примере с Гиллером, вне зависимости от качества его произведения, следует поставить общий вопрос о взаимоотношениях редактора и писателя, о принципах редакторской работы, об **обязанностях** (а не только правах!) редактора по отношению к литературному произведению.

Не так давно мы получали ряд писем от писателей и поэтов (Мих. Исаковский и др.), слагающих с себя ответственность за свои книги, так как они изданы — или без учета поправок авторов, или **«неожиданно»** для них — через два года после сдачи рукописи и т. д.

О чем все это говорит, как не о грошовой безответственности по отношению к писателям.

Пора выработать более четкие нормы взаимоотношений редактора и автора. Понятно, это можно сделать не столько в порядке административном, сколько при посредстве совместной работы путями общественными.

***

Для доказательства того, что варварские редакторские нравы существуют не только в ГИХЛ, мы приведем факт из практики «Литературной энциклопедии».

В этом томе «Литературной энциклопедии» помещена статья «Карачаевская литература». Давая общую характеристику и останавливаясь на лучших отдельных писателей, поэтов и публицистов-карачаевцев, автор, между прочим, говорит:

«Для работы этих и других авторов (**среди которых надо отметить Ислама Карачайлы**) характерен один момент — упорное искание самостоятельных тем»...

Под статьей стоит подпись — **«Ислам Карачайлы».**

Получается впечатление, что автор считает необходимым особо отметить прежде всего... самого себя. Между тем, т. Ислам Карачайлы совсем не собирался это делать; просто за него отстаивала редакция «Литературной энциклопедии», которой и принадлежат данные в скобках строки. Не трудно понять, к какому сорту принадлежит такая «услуга».

Б.

литературное сегодня

* Секретариат ФОСП выделил из бюджета Федерации писателей специальный фонд для **премирования двух лучших произведений, посвященных героям пятилетки.**

* Наркомпрос РСФСР освободил Н. Н. Лебедева-Полянского от заведования Главным управлением по делам литературы и затвердил **Новым зав. Главлитом назначен член коллегии Наркомпроса Б. М. Волин.**

* На заседании правления ОГИЗ заслушан доклад т. **Н. Огнева о работе клуба ФОСП им. М. Горького.** Правление ОГИЗ констатировало значительный сдвиг в улучшении в работе клуба писателей. Наряду с этим, правление ОГИЗ признало, что клуб ФОСП еще недостаточно развернул политико-воспитательную работу, особенно среди литмолодняка.

интернациональный вечер

Вечер объединяет сектор литературы и искусства московского «Дома печати» устраивает 28 июня большой вечер. Будет организован **киносекцией** совместно с редакциями газеты «Советское искусство» и журнала «Пролетарское кино» в будет посвящен теме мексиканских журналистов с немецкими и шведами, приглашенными Международным бюро для политических заключенных. Из иностранцев будут присутствовать тт.: **Фр. Вольф, Эрвин Пискатор, Отто Кац, Ганс Эйслер, Ганс Рихтер** и большинство делегаций.

Вступительное слово сделает **Н. Сутырин.** Вечер начнется демонстрацией новых иностранных и советских фильм. Вечер будет трансляционным по радио. Вход по специальным приглашениям. Билетов.

пролетлитература и пролеттеатр

по второму пленуму секретариата международного рабочего театрального об'единения

Недооценка пролетарскими литературными организациями рабочего театра является «универсальной» в том смысле, что она наблюдается не только у нас, но и за рубежом. Мы полное отсутствие интереса к самодеятельному театру сетует прекрасная молодая поросль драмов в Белоруссии. На полный отрыв чехословацких пролетариев от задач рабочего театра жалуется журнал «Дельницкие Чиадло». Но чехословацкая секция МОРН, ни БелАПП не являются исключениями. Игнорирование пролетарской и самодеятельному театру — общее явление. Единичны случаи, когда квалифицированные драматурги и писатели работают в центрах. Между тем, отдельные опыты и этом направлении говорят об огромной плодотворности участия писателей и рабочих театральном движении. Яркий пример — тесная связь в течение вот уже года, германской пролетарской писательницы Берты Ласк с одним из наиболее сильных рабочих театральных коллективов Берлина.

Анализируя причины разрыва между пролетлитературой и пролеттеатром, следует подчеркнуть, что и пролетарские театральные организации, в большинстве своем, не проявляют достаточной инициативы в сращивании с пролетписателями. Более того: сплошь и рядом они грешат прямой недооценкой значения литературно-квалифицированного текста.

Небрежное отношение к тексту ведет к тому, что в значительной степени ослабляется сила воздействия на зрителя даже таких, всем хороших, спектаклей, как «Трехмоль» в московском Триме.

Чрезвычайной важности представляется нам вопрос и о планомерном обмене репертуаром между различными национальными секторами рабочего театра. Мы имеем в виду — не только включение в репертуар советских театров произведений пролетарских и революционных писателей, живущих в капиталистических странах, но и планомерное продвижение на революционные и нередовые сцены Запада и Востока лучших произведений пролетарской и революционной драматургии СССР.

В повестке дня второго пленума секретариата МРТО, открывающегося 25 июня, стоит, наряду с другими, все эти вопросы. Им будет посвящен специальный доклад.

Ряд конкретных мер может быть предложен для ликвидации реперуарного голода, испытываемого рабочим самодеятельным театром — у нас и за рубежом. Наиболее целесообразными представляются нам меры по установлению постоянной органической связи между пролетарскими литературными и театральными организациями. Такую связь можно установить путем прикрепления писателей к определенным рабочим драмкружкам и авторитетам. Не препятственно должна быть установлена крепкая связь между руководящими центрами соответствующих организаций, прежде всего — между секретариатами МОРН и МРТО.

Работу писателя и театружке нельзя понимать только как оформление необходимых театральному коллективу материалов. Эту работу писателя нужно рассматривать как воспитывание из среды театружковцев или рабкоров, связанных с кружком, литературных работников. Писатели и те же время должны серьезно изучить специфику театральной и, в частности, драматургической работы. Долг театральных организаций помочь им в этом.

А. Г.

еще об авторах *„тихого дона“*

творческая дискуссия арк

Общее собрание членов АРРК великая присоединилось к решению секретариата об исключении из рядов АРРК кинорежиссеров Иванова и Преображенской. Общее собрание считает, что своей работой над фильмом «Тихий Дон» и нежеланием полностью признать свои ошибки в этой работе тт. Иванов и Преображенская поставили себя вне рядов организации работников революционной кинематографии.

«Литературной газетой» получены телеграммы от ЛенАРРК от группы киноклубов Ленинграда, от секретариата АРРК Грузии, в которых все эти организации, как и отдельные работники революционной кинематографии, поддерживают решение АРРК об исключении из их рядов киноактеров фильмы «Тихий Дон».

Общее собрание АРРК, заслушав доклад т. Якова об основных задачах борьбы за пролетарское кино, считает необходимым развернуть широкую дискуссию по вопросам творческого метода в кино. Дискуссия должна вскрыть все болезни советской кинематографии и ее кадров, помочь дифференциации работников советской кинематографии, консолидировать пролетарские и революционные силы вокруг строительства пролетарского кино. Дискуссия должна проводиться одновременно с обсуждением боевых вопросов социалистической реконструкции кинематографии, без решения которых невозможно решать и творческие вопросы.

Общее собрание обращается к РАПП, АПМ и АПХ с призывом принять активное участие в дискуссии, которая должна обеспечить творческий рост пролетарского кино.

письмо в редакцию „Л.Г.“

В моих «Воспоминаниях о Ленине», говоря о том, что нравилось Ленину из художественной литературы, у меня сказано: «Кроме того он любил слушать стихи, особенно Демьяна Бедного. Но нравились ему больше не сатирические стихи Демьяна, а лирические. Читаешь ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: «Никогда, никогда коммунары не станут рабами».

Тут не сказано, что стихи «Никогда, никогда коммунары не станут рабами» принадлежат Демьяну Бедному. В тот момент, когда я писала, я забыла автора. — это мои воспоминания беглые и помню суть, лица и т. п., но фамилии забываю. В тот момент, когда я писала, перед мной стояла картина того, как слушал Ильич это стихотворение. Перечитывая теперь этот абзац, я вижу, что могло получиться впечатление, что эти стихи принадлежат Демьяну Бедному, хотя и это не имела в виду я тогда, когда писала. Конечно, так нельзя писать. Автором этого стихотворения является Казаков, это надо исправить немедленно в следующем издании. Я очень извиняюсь перед автором за допущенный мною недосмотр.

Н. КРУПСКАЯ

от редакции

В статье т. Батрака «О литературном наследстве», помещенной в № 27 «Л. Г.», в ряде разбор последствия К. Рыжкова к «Бахтину» Н. Заменского, имеется четкое определение понятия отсебятины в творчестве, но данное отличие этого понятия от понятия литотсебятина. Тов. Рыжков в приведенной в рецензии отвечной статье указывает на это.

Кроме того, т. Рыжков отмечает, что в статье т. Батрака неправильно приведена цитата из послесловия т. Рыжкова: вместо слов «Бродит в романе прямо тот деревня прямо» — «Замечает восстанавливает деревню против города».

Редакция, сообщая, что ею несколько времени назад получено письмо т. Батрака, использованного неточности, допущенные в его статье, считает вопрос исчерпанным.

горьковские вечера

в комакадемии

Цикл вечеров, посвященных творчеству М. Горького, устраиваемых институтом ЛИТ, открыл 16 июня большим докладом А. В. Луначарского.

Второй вечер — 19 июня — был посвящен докладам Н. Каменева «За ленинскую партию пролетарских писателей» и Л. Авербаха «Горький и его творчество». За отсутствием места отдых второго вечера мы ограничимся лишь краткой передачей доклада т. Каменева.

В своей статье «О пролетарском революционере» Плеханов называет М. Горького «самым талантливым художником-пролетарием, но отмечает ошибки критики писателя Горького «Врага». Второй и последующие произведения, по статье, заключается в абстрактности разбора, пишет. В своем «Враге» показано разложение буржуазной борьбы, класс пролетариат осознает уже в ходе борьбы с буржуазией, которая, выдавая себя за сокращение этой главы, дважды письменно указывал на недопустимость изъятия книжки без нее, так как «нельзя, чтобы в освещении Электрозавода была выпущена деятельность парткома»... Но ничто не помогло. т. Шахбазьян не пожелала считаться со здравым смыслом, с мнением автора и заменила главу «Равносторонний треугольник» графическими звездами в конце текста за таком фразой в сопровождении: «На Электрозаводе промфинплан под руководством парткома ВКП(б) довлечен до станка». Так т. Шахбазьян называет партийное руководство заводом.

Сверяя рукопись и книжку, мы имели возможность убедиться еще во многих редакторских добротах. Получается впечатление, что редактор видит свое назначение в изъятии из произведения всего, что его оскорбляет, всех удачных образов, фраз и т. д. С композицией вещи редактор не желает считаться совсем.

Несколько примеров.

У Гиллера концовка первой вступительной главы: «Такова воля электробольшевиков». У—Шахбазьян: «Такова воля Электрозавода, — слышится во всех выступлениях рабочих». (Это не только хуже, но и безграмотно).

У Гиллера (начало главы «Бои за промфинплан»): «Наше социалистическое строительство — война. Мы деремся за промфинплан. У нас есть свой фронт и свой тыл. Как в образцовой армии каждый стрелок должен отлично знать обстреливаемую местность, так у нас каждый работник обязан знать программу того, что он должен сделать». **Относительно удачно.**

Шахбазьян первую фразу заменяет так: «Социалистическое строительство—великая и **чудесная** борьба». Весь абзац становится бессмысленным. Зачем это нужно было — едва ли объяснит сама т. Шахбазьян.

Эти примеры можно было бы продолжить. Редакторских погрешностей и даже безграмотности в книжке хоть отбавляй.

И вот что характерно. То, что действительно нуждалось в исправлении (неудачные обороты, повторения и т. д.), осталось **нетронутым.** Прямая функция редактора не выполнена, так же, как и главная функция — политическая редакция, в которой допущена грубейшая политическая ошибка.

Мы должны оговориться: наше выступление совсем не предсказано целью **полностью** реабилитировать, а тем менее поднять на щит книжку Э. Гиллера. Его работа в общем — слабая. Она, прежде всего, не может претендовать на право называться художественным произведением, за еще повестью. Это только неаккуратные газетные очерки, с большими погрешностями стиля, лишены плохим, неярким языком. Нам казалось иначе прав, когда оценивая книжку Гиллера как фотографию, не воспроизводящую всей глубины событий. Гиллеру не удалась и самая важная часть работы, как подлинно художественный показ **людей Электрозавода.**

Все это так. Но все это еще более подчеркивает недопустимость такого редактирования, какое произведено тов. Шахбазьян.

Нам думается, что на примере с Гиллером, вне зависимости от качества его произведения, следует поставить общий вопрос о взаимоотношениях редактора и писателя, о принципах редакторской работы, об **обязанностях** (а не только правах!) редактора по отношению к литературному произведению.

Не так давно мы получали ряд писем от писателей и поэтов (Мих. Исаковский и др.), слагающих с себя ответственность за свои книги, так как они изданы — или без учета поправок авторов, или **«неожиданно»** для них — через два года после сдачи рукописи и т. д.

О чем все это говорит, как не о грошовой безответственности по отношению к писателям.

Пора выработать более четкие нормы взаимоотношений редактора и автора. Понятно, это можно сделать не столько в порядке административном, сколько при посредстве совместной работы путями общественными.

***

Для доказательства того, что варварские редакторские нравы существуют не только в ГИХЛ, мы приведем факт из практики «Литературной энциклопедии».

В этом томе «Литературной энциклопедии» помещена статья «Карачаевская литература». Давая общую характеристику и останавливаясь на лучших отдельных писателей, поэтов и публицистов-карачаевцев, автор, между прочим, говорит:

«Для работы этих и других авторов (**среди которых надо отметить Ислама Карачайлы**) характерен один момент — упорное искание самостоятельных тем»...

Под статьей стоит подпись — **«Ислам Карачайлы».**

Получается впечатление, что автор считает необходимым особо отметить прежде всего... самого себя. Между тем, т. Ислам Карачайлы совсем не собирался это делать; просто за него отстаивала редакция «Литературной энциклопедии», которой и принадлежат данные в скобках строки. Не трудно понять, к какому сорту принадлежит такая «услуга».

Б.

Извещения

* 25 июня, 18 час., в помещении «Молодой гвардии» (ул. Чернышевского, 6) — творческий актив литкружков Пролетарского и Сокольнического районов. Доклад В. Карпинского — «Итоги пленума и творческий смотр».

* 25 июня, 19 час., в редакции газеты «Гудок Красного» (ул. 25-го Октября, 19, Дом Профсоюзов) — собрание актива чувашской секции МАПП.

* 26 июня, в 20 часов, в помещении МТИ (Большой пер., 10) состоится расширенное заседание правления, президиума, ревкомиссии с активом.

Участие всех членов товарищества необходимо.

* 27 июня, 17 час., в клубе ФОСП (улица Воровского, 52) — собрание секции МАПП с участием литераторов, поэтов, музыкантов и композиторов. 1) Доклад о состоянии и перспективах пролетарской музыки — Хамиди, и 2) О задачах и области драматургии.

В КЛУБЕ ФОСП.

* 25 июня. 20 ч. Кинопоказ ЛОКАФ. Продолжение дискуссии о кинофильме «Рад» (Фильм по заказу Флота).

* 26 июня. 20 ч. 30 м. Доклад Ю. Н. Тынянова «Как учился Горький» (Пушкин 1835—1837 гг.).

* 26 июня. 21 ч. 45 м. Закрытый тематический просмотр новой художественной кинофильмы по поэме Туманяна «Анушь». Реж. Перестиани.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, К. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ГИХЛ книгоцентр

3 дня

иллюстрированный еженедельник

Редколлегия: В. Соловьев (ответ. редактор), В. Регинин, Н. Сейфуллина, С. Фридман

ВЫШЕЛ И РАЗОСЛАН ПОДПИСЧИКАМ № 4

СОДЕРЖАНИЕ:

Мих. Кольцов — Горький и окружение. Л. Маяковская — Детство Вл. Маяковского. Л. Никулин — Семнадцатый пулеметный. Илья Ильф и Евгений Петров — Золотая телега. Ал. Гурков — Рабочее утро. Сейфи. Б. Перелешин — В дни школьных. С. Фридман — Первая премия. Ю. Золотарев — Хорошее отношение к книгам. Н. Огнев — Бодрый настроение. Бельский — Аэропланы и авиация. Ударники о книгах и др.

Цена № 4 в розничн. продаже 60 коп.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И НА-ДНЯХ РАССЫЛАЕТСЯ № 5-6

СОДЕРЖАНИЕ:

С. Боритов — Рассные сигналы. И. Бачелис — Обновленные маски. К. Клосс—Школа шефства. К. Федин — Биография дня. Л. Арсланский — О Демьяне Бедном. Илья Ильф и Евгений Петров — Золотая телега. И. Ивалов — Темное не сдаться. С. Фридман — Отдых Ленина. № 20. К. Перелешин — Уходит в Дерпте. С. Кулов — Изображение. А. Эрлих — Секрет механической речи. Бакальский — Подземная техническая революция. Ударники о книгах и др.

Цена № 5-6, в розничн. продаже—90 к.

ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ только с 1 июля:

1) По ПЕРВОМУ АБОНЕМЕНТУ (6 №№ журнала и 4 книги «Библиотеки советских писателей») до конца года—6 р. 2) По ВТОРОМУ АБОНЕМЕНТУ (5 №№ журнала, 4 книги «Библиотеки» и 12 книг М. Е. Салтыкова-Щедрина (12—24 книги) до конца года 9 руб. (На второй абонемент подписка принимается только от подписчиков первого полугодия. Новые подписки не принимаются).

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ в местные магазины и отделения КНИГОЦЕНТРА, их уполномоченным, на почту и в ж.-д. агентствах.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОГОНЕК САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

III

РЕДАКТОР МИХ. КОЛЬЦОВ

В 1931 г. „ОГОНЕК“ устраивает перестройку журнала в сторону более большого отражения в снимках, очерках, рассказах и других материалах всех видов нашего социалистического строительства и классовой борьбы во всем мире

III

Подписку на июль сдавайте исключительно почте заблаговременно. Своевременная подписка—гарантия бесперебойного получения.

III

2 БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ — (6 книжек в месяц) дает лучшее на того, что есть в советской и международной литературе.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «ОГОНЕК» без приложений — год—3 р. 25 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—90 к. «Огонек» (с 1/VII по 31/XII) с «Всемирной Историей» (1/I по 31/XII включительно—19 р. 50 к. (при подписке—16 р. 50 к. и с 1/IX—3 р.) «Огонек» и Библиотека «Огонек»—12 мес.—16 р., 6 мес.—8 р. 50 к., 3 мес.—5 р.

Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК».

ВНИМАНИЕ ПОДПИСЧИКОВ БИБЛИОТЕКИ

„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ“

Вышла из печати и разослана первая (двойная) книга ОСИФА ЛЕНЦА

ИСТОРИЯ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

В книге 288 стр. + 29 иллюстраций. Редакция и вступительная статья Карла Радека.

Находится в печати и скоро выходит в свет следующие книги:

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Очерки истории революционного движения в России.

Б. К. ГРАНЕ, М. В. ПЕЧКИНА, А. М. ПАНКРАТОВА, К. Ф. СИДОРОВ и М. С. ИГОВ. Очерки истории пролетариата СССР.

Н. М. ПАКУЛЬ и В. Ф. СЕМЕНОВ. Равные буржуазные революции.

Л. В. ЗАСЛАВСКИЙ. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов.

Очередные книги к 1 июля: по «Огоньку» и «Всем. истор.»—4 руб.; «Искры науки» и «Всемир. истор.»—3 р. 50 к.; «Борьба классов» и «Всемир. истор.»—5 руб.

Подписчикам, по внесшим очередного взноса к 1 июля, высылка изданий с 1 июля будет прекращена.

Взносы сдавайте исключительно на почту.

АКЦ. ИЗД. О-ВО «ОГОНЕК».

ПЕЧАТЬ и ИСКУССТВО НА СЛУЖБУ ПЯТИЛЕТКЕ

Ударим в литературу! Писатели и ударники должны сами строить свою газету.

Систематическую критику творческой продукции ударников и помощь им дает

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

выходит каждая 5 дней.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—3 р. 50 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—90 коп.

Широкий художественный показ и литературное героев пятилетки находит в лучших ударников колхоз

РОСТ

Двухнедельный журнал литературы

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 5 руб., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 5 мес. — 75 коп.

Руководящие обзоры газет, обмен новым опытом газетной работы дает:

ЖУРНАЛИСТ

ежедневный журнал теории и практики пользования печати

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—3 р. 50 к., 6 м.—5 р. 50 к., 3 м.—3 р. с приложением 6-ти: 12 мес.—10 руб., 6 м.—5 р. 50 к., 3 мес.—2 р. 75 к.

Из всех искусств важное для нас кино (ЛЕНИН)

Борьба за пролетарскую кинематографию, за превращение кино в подлинное орудие партии отражается на страницах

КИНО

единственный газ. ОЗПКФ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—3 р. 50 к., 6 м.—1 р. 75 к., 3 м.—90 к.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ, ПОДПИСКУ НА ИЮЛЬ СДАВАЙТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ИСКЛЮЧИТЕЛЬН